

**Ульяна
Громова**

ОБЕЩАНИЯ
НА ОБЛОМКАХ

**БЫВШАЯ
В УПОТРЕБЛЕНИИ**

Громова Ульяна

Бывшая в употреблении

«Литнет»

2020

Ульяна Г.

Бывшая в употреблении / Г. Ульяна — «Литнет», 2020

Дима — мужчина, которого слишком легко принять за скучного. Он не играет в любовь. Он просто любит. Он построил дом для любимой жены, готов носить ее на руках, исполнять ее мечты и терпеливо ждать, когда она захочет стать матерью. Только даже любовь у него должна вписываться в идеальный план. Сабина — молодая актриса, которая уверена, что рождена для большой сцены, женщина, которую невозможно не заметить. Она привыкла жить так, чтобы ею восхищались. Ей нужны овации, яркая жизнь и поклонники. И меньше всего на свете она боится потерять идеального мужа. Он мечтает об идеальной семье. Она — об идеальной жизни.***— Помнишь, как ты мне предложение делал? «Ты, Сабина, создана для меня. Мы с тобой будем идеальной парой! Я построю тебе дом» и бла, бла, бла... Вот он — дом! Горит, как вся твоя идеальность! Потому что ты трус! Слабак! Потому что ты идиот! Потому что ты, как баран, уперся в свой идеальный план, в котором не доставало последней галочки в графе «ребенок»! А где в твоём плане было ей место? — ткнула она пальцем в Катю. — Ну как, Катерина Теркина, плохая я актриса, а? Ты же вся такая умная, как же ты меня, «бездарную и слабую актрисушку погорелого театра» не раскусила, а?! А знаешь, почему он поверил мне?! Да потому что ты всегда была рядом! И ты знала, что я изменяю ему! Только ты ничего! — обратилась она снова ко мне. — Ничего не видел, кроме своих пунктиков! А она видела! Знала! И ничего тебе не сказала!

© Ульяна Г., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Пролог. Анонс	6
Антреприза. Глава 1. Секс на котурнах	7
Глава 2. Игра тылом	14
Глава 3. Конфидантка	20
Глава 4. Сплошная виктюковщина	26
Мизансцена. Глава 5. Арьерсцена	33
Глава 6. Призраки оперы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог. Анонс

*«Если в первом акте на сцене висит ружье,
то в последнем оно должно выстрелить»*

(А. П. Чехов)

— Я могу подвезти...

— Ну уж нет! — излишне громко воскликнула, впрочем, никто не обратил на это внимания. — Я с тобой больше в один на один нигде не останусь! Еще не хватало мне в машине с тобой оказаться! — кипятилась она, выпрямляясь и отставляя кофе.

— Я был так плох? — будто и не обратил внимания на ее выпад викинг.

— Честно? — Он кивнул. — Ты был отвратителен!

— Дашь мне шанс исправить?

Он не шутил, был вполне серьезен, а градус ярости девушки просто пробивал границы всех термометров:

— Ты совсем больной или да?!

— Я не о том. — Он смотрел прямо ей в глаза и укрощал, как опытный дрессировщик дикую тигрицу. — Позволь мне исправить все.

— Что — все?!

— Все, что смогу.

Она хмыкнула и откинулась на спинку стула, сложив на груди руки, окинула его ей самой непонятным взглядом — со смесью жгучих эмоций, вызванных не только им — и насмешливо спросила:

— И с чего начнешь?

— С твоей главной ошибки.

— Это какой же? — ядовито поинтересовалась.

— Не уходи из труппы.

— Это еще почему?

— У тебя ведь есть дублерша, которая на случай, например, твоей болезни играла бы вместо тебя? — Сабина даже руки опустила от полоснувшей по сердцу логики — он прав! Злата Королева прогоняла ее роль — это нормальная практика! — Вижу, что прав... — он тоже отодвинул от себя чашку с кофе. — Я не мерзавец, Сабин, я хочу помочь. Позволь...

Антреприза. Глава 1. Секс на котурнах

Пердимонокль – казус во время представления.

Сабина вошла в кабинет походкой от бедра, томно прикрыла веки и подошла к большому письменному столу, за которым в удобном кресле сидел импозантный мужчина лет пятидесяти пяти. Он нацепил на губы хищную улыбку и щелкнул колпачком ручки, пряча острый пишущий кончик.

— Ты сегодня задержалась, беби, — беззлобно констатировал антрепренер[1], наблюдая, как это произведение искусства — прима его труппы — садится на его стол, сбросив с красивых длинных ножек лабутены, и скрещивает тонкие икры.

— Котик соскучился по своей девочке? — полу-утвердительно в своей манере протянула Сабина и повела плечом, ловким тренированным движением заставляя бретель дорогого платья соскользнуть и слегка оголить округлую аппетитную грудь.

— Котик соскучился, — опасно ухмыльнулся мужчина, откинувшись на спинку кресла и продолжая наблюдать за эротичной игрой женщины младше его больше чем вполтину.

— Мой котик... — обвела язычком контур верхней губы чаровница, чуть запрокинув голову, будто открывая изящную шею его укусам. — Твоя кисонька хочет тебя...

Неуловимое движение второго плеча обнажило другую тяжелую округлость идеальной формы. Но уже через секунду задержавшееся на топорщившихся от возбуждения сосках платье соскользнуло с тихим шелестом на талию. А еще через секунду ножка в тончайшем чулочке уперлась мужчине в грудь. Сабина наклонилась к нему и вытянула сложенные сердечком губы, подставляя их под поцелуй. Хозяин роскошно обставленного кабинета коснулся губами ножки и обнял девичью ступню большой ладонью. Отвел ее в сторону, придвигаясь ближе к заманчивому телу, и коснулся губ девушки почти целомудренным поцелуем.

— Ты в трусиках, беби? — спросил слегка охрипшим голосом и кашлянул, чтобы вернуть своему баритону сочность.

— Обижаетесь... — смешно скусила Сабина и медленно развела ножки в стороны, эротично длинными ноготками проводя по внутренней стороне бедер и задирая платье.

Влажный похотливый блеск в глазах мужчины заставил ее рассмеяться красивым смехом, похожим на переливы колокольчика. Но уже в следующую секунду она задохнулась от собственного стога, потому что мужчина грубо сунул в ее лоно средний палец. Сабина откинулась на локти и обхватила ступнями шею мужчины, распахнувшись перед ним бесстыдно и привычно.

— О-о, Грег... — порочно пропела и прикусила нижнюю губу, отдаваясь в его власть.

Он умело третирует кончиком пальца переднюю стенку ее тесного горячего влагища, массируя точку наивысшего удовольствия. Девушка перед ним вздрагивала и подавалась бедрами навстречу, а он жадно смотрел на мокрую щель и трахал ее пальцем, пока Сабина не застонала от накатившего оргазма.

Мужчина уже был возбужден, но возраст давал о себе знать. Увы, но даже с молодой любовницей он мог кончить лишь раз. Зато он — этот раз — мог длиться долго и подарить ему сытный оргазм.

Их прелюдия всегда была одинакова, потому без всяких слов Сабина легла поперек стола, отделанного кожей молодого зубра, свесив красивую головку. Мужчина обошел стол и встал у ее лица, оставляя ей право расстегнуть его брюки и заняться членом. Его возбуждение нарастало медленно, но, набрав силу, было подобно несшемуся локомотиву, сметающему на своем пути все.

Грег положил ладони на идеальные груди и поиграл пальцами с сосками, остановив взгляд на мокрой промежности — он займется ей чуть позже с большим удовольствием и очень

основательно. Вздыхнул, когда еще нетвердый, лишь начавший увеличиваться член полностью исчез во рту его сладкой беби. Застонал и стал расстегивать рубашку. Откинув ее в кресло, слегка сжал и свел вместе упругие груди девушки, поиграл ими, потеряв друг о друга, и протянул руку к розовой соблазнительной щелочке между ее ног. Запрокинул голову с протяжным стоном наслаждения, почувствовав, что девушка выпустила его отвердевший член и присосалась к головке губами немного болезненно — как ему нравилось.

— О да, беби... открой ротик и будь готова его глотать...

Это была самая приятная часть их встреч — он долго трахал ее рот, наблюдая, как пошло ласкает себя эта распутная девочка. Он начинал медленно и протяжно, вводил член до основания, проникая в глотку, на секунду задерживался и выскальзывал, давая беби вдохнуть. Но скоро вместе с твердостью его орудия наслаждения росли и его аппетиты, и он уже трахал милый розовый ротик, как щель между ее ножек, лишь иногда давая девушке облизать твердую головку и пососать. Он стонал и дрожал от этого прелестного вида и громких причмокиваний, которые заводили его еще круче. И когда его член становился почти каменным и нетерпеливым, Грег стаскивал Сабину со стола и ставил ее перед собой, заставляя низко наклониться и прогнуться в пояснице.

Влажные шлепки тел и стоны удовольствия хозяина кабинета и его примы становились быстрее и громче от накатывавшего на обоих сладострастного предвкушения оргазма уже через несколько минут, и можно было бы и кончить, но следующий раз он сможет лишь через несколько дней, и потому мужчина менял позы, выбирая самые откровенные и развратные, чтобы насладиться процессом сполна, насытиться ощущением упругого тесного кольца мышц вокруг своего постаревшего и утратившего молодецкую мощь члена. Когда он давал слабину, Сабина снова брала его в рот и умело возвращала ему твердость и боевой настрой.

А в благодарность за свои труды она получала ни много ни мало, а место дивы в местном театре и возможность блистать на обложках глянцевого журнала, передовицах газет и крутиться в сливках общества их небольшого городка.

— Шире бедра, беби, — услышала он голос с придыханием — мужчина уже устал и выдыхался, весь вспотел и дышал тяжело, как загнанный конь. — Сделай что-нибудь, детка, теряю запал.

Сабина закатила глаза: она дала ему себя сегодня уже даже так, как не мечтала Камасутра, а он передержал возбуждение и теперь не мог кончить. Она присела перед ним на корточки и взяла в рот уже терявший стойкость член. Принялась сосать его, доставляя мужчине желанные немного болезненные ощущения, собрала в ладошку расслабленные яйца и заиграла ими, осторожно перекачивая, как теннисные мячики. Но даже проверенные манипуляции не помогали — она чувствовала, как член во рту совершенно обмяк.

— Ты даже трахнуться нормально не можешь, — просипел недовольно, тяжело дыша, мужчина и отошел от нее.

— Котик, выпей таблеточку, и мы продолжим, — состроила умоляющую гримасу Сабина, уже тоже порядком уставшая.

— Ты же знаешь, я не пью химию. Тебе придется научиться удовлетворять меня, беби, если хочешь оставаться на олимпе.

— Но, Грег...

— Одевайся и уходи. Проштудируй что-нибудь... почитай... порно посмотри, с мужем отрепетируй, наконец, но я хочу ярких ощущений.

— Сам смотри порно! — выплюнула зло и встала, шагнув к своему платью.

Когда надела его, поймала странный пристальный взгляд мужчины и сочла за благо скрыться с его глаз в гримерке — ей нужно было принять душ перед тем, как вернуться домой к Диме.

Сабина сегодня снова задерживалась. Я успел заехать к маме на вечерний чай с яблочно-вишневым пирогом, зажарить несколько стейков на барбекю и настругать миску зеленых овощей на гарнир — моя жена придерживалась белково-овощной диеты, и я считал своим долгом поддерживать ее. Уже собрался накрывать на стол на террасе и вернулся в гостиную за сотовым телефоном позвонить любимой, но услышал стук каблучков в прихожей и вышел ее встретить. Сабина выглядела замученной. Увидев меня, слабо улыбнулась, небрежно скинула новые дорогие туфли и шагнула в мои распахнутые объятия.

— Моя девочка снова вымоталась... — гладил ее по шелковым светлым волосам и убаюкивал в объятиях, как ребенка.

— Сил нет, — пожаловалась она. — Грегорий никак не достигнет апофеоза[2].

— Что-то не получается?

— Через десять дней премьеры, а у нас никак не идет одна сцена, — вздохнула Сабина. — Никакого логического завершения.

— Я могу помочь? Порепетируешь со мной?

Сабина чуть отодвинулась, взглянула на меня искоса и махнула рукой:

— Сделаешь мне массаж?

Я улыбнулся и чмокнул ее в лоб:

— Вечером.

— Тогда я в ванну, хочется расслабиться.

— Я принесу стейки и салат в гостиную.

— Дай мне полчаса.

Она выскользнула из моих рук и устало прошла в спальню. Я поставил на пол в гостиной низенькую подставку, на которой утром приношу завтра в постель любимой жене, и залюбовался ею голенькой, босиком прошедшей в ванную с полотенцем на плече. Стройная, хрупкая, с полной округлой грудью и бедрами, с прямой спиной, манящим изгибом в пояснице и аппетитной попой.

Мы женаты всего полгода, и я до сих пор не понимал, за что эта красивая утонченная девушка полюбила меня — обыкновенного строителя. Нежная, как сахарная вата, Сабина вызывала во мне какой-то нереальный трепет, который мама называла «боготворительным». Она недолюбливала невестку и хотя никогда не показывала ей этого — лишь мне изредка делала колкие замечания, жена чувствовала это и не стремилась общаться со свекровью.

— Ди-и-им! — услышал протяжный зов любимой и поспешил к ней. Когда вошел, она лежала в пене с собранными на затылке волосами и бокалом белого вина в руке. — Иди ко мне...

Сабина протянула тонкую руку с длинными ноготками с красивым маникюром. Поставила бокал на широкий бортик большой круглой чаши купальни — самодельного джакузи — и капризно надула пухлые губки. Я выбросил из головы мелькнувшую мысль, что мясо все-таки придется разогреть, а овощи подвянут, быстро скинул тонкие домашние штаны и футболку и шагнул в воду. Сел рядом с женой и обнял ее за плечи. Она откинула голову мне на руку, открывая тонкую шею с едва заметной пульсирующей жилкой.

— Давай заведем ребенка, у нас получится красивая дочка, — убеждал Сабину, разглядывая ее красивое ухоженное лицо.

— Не время еще, Дим. Я жду от гастролей в Москву какого-то толка, там другие перспективы. Мы женаты всего полгода, все еще впереди... — уже который раз повторила моя молодая жена. Я вздохнул. Мама очень хочет внуков, да и мне хотелось полной, настоящей семьи. — Ну не сердись, — начала ластиться ко мне Сабина. — Она провела ноготками по моей щеке, поворачивая к себе мое лицо, обвела мышцы груди и пресса, закусив нижнюю губу и призывно смотря мне в глаза. — У тебя такое классное тело...

— Мама пригласила нас в субботу на обед, — сбавил я ее обороты.

Взгляд Сабины мгновенно изменился, лицо застыло маской, по нему словно пронесли тени, и черты заострились.

— Я не могу, — хлопнула грустно ресницами, — перед премьерой репетиции каждый день... Не знаю, во сколько освобожусь.

— Такая сложная сцена?

Жена чуть поморщилась:

— От того, как сыграю ее, зависит, буду ли я и дальше примой.

— О-о, это серьезно, — согласился, хотя по мне лучше бы она была моей личной примой с кругленьким животиком в уютном коротком халатике. — Иди ко мне...

Я любил ее мыть. Надевал перчатки с вихотками, наливал гель для душа с ее любимым ароматом ландыша и омывал ее тело, лаская груди, ножки, попку... Обычно эти взаимные омоложения заканчивались сексом в воде, но сегодня Сабина была как-то особенно расстроена, и мне хотелось заняться с ней любовью в постели, жестко выбить из нее это вялое настроение. Поэтому я вымыл ее тело и волосы, вынес жену из воды, завернул в тонкую махровую простыню и унес в гостиную. Мясо уже остыло, но мы съели его и так. Жена выпуталась из своей обертки и дразнила меня наготой по пояс.

— Дим, а ты бывал в Москве?

Я покачал головой:

— И даже не манит.

— А я очень жду эту поездку... — мечтательно вздохнула. — Представляешь, большая сцена, ramпы, тысяча зрителей, заполненные vip-ложи, а после представления интервью, фуршет, съемки в журналы. Я в вечернем платье, ты в белоснежном костюме...

Я рассмеялся:

— Не представляю, да и что мне там делать?

— Ну как это... — растерялась Сабина и на минуту нахмурилась. — Нам все равно придется переехать в Москву. Она строится, ты и там работу найдешь...

Я этого не хотел и в душе твердо знал, что мы останемся здесь, потому что хищная Москва и большая сцена — это не так просто. Я не знаток лицедейства и не мог непредвзято оценить, так ли хороша моя жена на сцене, но знал одно — она безумно хороша в постели. Поэтому под ее эмоциональную речь просто взял ее на руки и унес в спальню.

— Милая, пусть сценой тебе будет наша постель, торшер — ramпой, а я самым лучшим в твоей жизни главным[3]...

Я не дал ей больше сказать ни слова — закрыл сладкий ротик глубоким поцелуем и заставил стонать и кричать незаученные междометия.

Он проснулся, как всегда, ни свет ни заря, налил ей густого мангового с мякотью сока и приготовил омлет с сыром. Его мягкие поцелуи коснулись ее закрытых век. Дима очень милый и трогательный, настоящий романтик. Он любил ее, не выставляя условий, и словно заворачивал девичье сердце в мягкий кокон. Ему не нужно было от Сабины ничего, только она сама. Это оказалось так неожиданно и приятно, что девушка не смогла не выйти за него замуж. Дом, который построил для них Дима, стал настоящим гнездышком. В нем она восполняла недостаток любви к себе, морально восстанавливалась и набиралась сил. Но ее муж казался ей слишком простым, даже приземленным. Он крепко стоял на ногах — настоящая опора, та самая стена и крепость, о которой мечтают многие женщины. Но не она. Сабине нужны овалы, признание, обожание и большие деньги, она мечтала быть центром внимания...

Вчерашний смех Димы ей все сказал без слов — он не уедет отсюда. А она не останется здесь, в этом Недвижинске. Она слишком красива для города-недоразумения, слишком тесно ей в нем.

Сабина вдруг резко села на кровати — она вчера была так расстроена, а потом так уплыла в своих мечтах далеко от реальности, что забыла выпить противозачаточную таблетку!

— Вот че-ер-рт... — стон бессилия сменился рыком разъяренной тигрицы. Она выдернула из-за спины подушку и швырнула в стену. — Ну как я могла забыть?! — она упала на постель и закрыла руками лицо.

— Что забыть, милая? — Дима вошел в комнату, услышав ее голос. Поднял подушку, взглянул на жену с недоумением. — Доброе утро?

— Доброе... — буркнула Сабина и села на постели.

Она надула губы и не смотрела на мужа, как будто это он был виноват в ее забывчивости. Хотя да, именно он и был виноват, кто же еще?! Дима умел так расслабить ее внимание и так снять с нее напряжение, что она просто нежилась в его заботе, как ребенок, и забывала даже думать о чем-то. Могла только предаваться мечтам и плавать хрустальной рыбкой в море его любви.

Только вот последний месяц их жизнь уже напоминала переслащенный сироп, и первые симптомы диатеза не заставили себя ждать.

Дима принимал творческую натуру жены целиком и полностью и не считал резкие перепады ее настроения чем-то из ряда вон или причиной для ссоры. Он оставался до зубовного скрежета спокойным и просто оставлял Сабину в такие минуты перебеситься. А сегодня ему еще и на работу — он уже надел джинсы и рубашку навыпуск, а небольшая спортивная сумка, в которой он носил спецодежду и обед, уже стояла у двери собранная. И это тоже бесило Сабину до черных мушек в глазах — Дима не бросал пыльную робу на пол, а основательно вытряхивал ее еще на стройке и стирал сам. Сам, черт возьми!

Девушку разрывали противоречия. Муж не разбрасывал вещи, любил готовить, даже поддерживал ее, когда она сидела на диете. Не повышал на нее голос, не увлекался футболом, совершенно не пил, в отличие от нее — Сабина могла одна выпить бутылку вина, да и, что греха таить, и в театре позволяла себе пропустить пару стаканчиков чего-нибудь покрепче — чисто для расслабленного вдохновения. Хорошо, молодой организм исправно перерабатывал алкоголь и не мучил похмельем.

Может быть, устрой муж ей скандал, что она задерживается в театре, или дай ей повод к серьезной ссоре — жизнь показалась бы разнообразнее и веселее, добавила драйва в их отношения и секс... Хотя в последнем все было как ей нравилось — Дима был в постели разным, он четко улавливал настроение жены и был томительно нежным или умеренно грубым именно тогда, когда ей хотелось.

Идеальный мужчина. Черт его забери!

— Позвоню тебе в перерыв, — сказал он и подвинул к ней подставку с завтраком.

Погладил ее по волосам и поцеловал в макушку, как маленькую девочку.

Когда за ним закрылась входная дверь, Сабина отодвинула еду, вскочила с постели и бросилась к сумочке, которую вечером оставила в прихожей. Достала блистер с таблетками и с рычанием выдавила их все в раковину в ванной и смыла — теперь нужно начинать новую упаковку с начала нового менструального цикла. Сабина так боялась забеременеть, что ей казалось — она уже беременна. Тем более Дима всегда кончал вместе с ней, не оставляя шанса не впитать его семя. И даже сейчас она не чувствовала между ног липкости, потому что снова приняла все до последней капельки. Но в этот раз она не предохранилась.

Сигнал входящего сообщения на сотовом прозвучал контрольным выстрелом, а текст послания от Грега добил: «Я подумал над твоим предложением. Это будет... задорно».

Сабине срочно нужно было что-то решать: ни Грег, ни муж не терпели презервативов. Один считал, что спасение утопающего — дело рук самого утопающего, а второй просто хотел ребенка. К тому же был еще Виктор.

Я мог понять желание жены посмотреть столицу. Ей как творческому человеку нужны новые впечатления, новые места, какие-то волнующие события, а у нас даже не получилось поехать в свадебное путешествие. Но на следующей неделе мы уже сдадим объект, и за досрочное завершение строительства застройщик обещал крупную премию. Я очень на нее рассчитывал. Но больше всего рассчитывал отвлечь жену от театра. Не понимал, какое она получает удовольствие, когда приходит домой поздно вечером вымотанная, будто весь день не порхала по сцене, а волокла поддоны с кирпичами на верхние этажи. Мне не хватало той Сабины, какой она была до того, как стала примой и загорелась этим чёсом[5]. И почему она решила, что нам придется переезжать в столицу — искренне не понимал. Там таких провинциальных трупп будут десятки со всей страны, марафон спектаклей по три в день на разных, в том числе уличных площадках — разве это билет на большую сцену? Я был бы не против ее карьеры, будь это действительно шанс и большая сцена. Но это не первое турне нашей городской филармонии, и оно явно не открывало возможности карьерного взлета до столичной дивы.

Я хотел ребенка и был уверен, что это все станет Сабине ненужно, когда она почувствует себя мамой.

— Здорово, братело! — Мы с другом Кирюхой привычно ударили по рукам друг друга и вместе вошли в лифт. — Зайдешь к нам вечером на пару партий?

— Если Нина сварганит рыбный пирог, — согласился я.

— Так и сидишь на диете? — хохотнул верный еще с горшка друг. — Мне, что ни говори, с женой повезло больше! — он хлопнул меня по плечу.

Его славная пухленькая супруга работала кондитером в частной кофейне и при слове «диета» начинала хохотать так заразительно, что не поддержать было невозможно. Они с Сабинкой не нашли общий язык, не одобрял моего брака и Кирилл. Наша с женой жизнь вне дома разделялась: она встречалась с подругами из своей творческой интеллигенции, а я скромно отдыхал в кругу рабочего пролетариата, правда, за все время брака всего пару раз — вторая половина дома и второй этаж первой дома еще не были до конца отделаны. Мне хотелось, чтобы Сабина приняла участие в выборе дизайна, потому что там планировались комнаты для наших будущих детей и внуков, но жена упорно обходила эту тему, ссылаясь на то, что наследников пока нет, а ее вкусы и мода слишком быстро меняются...

— Сабина просто еще молода, — заверил я друга. — И клятва быть вместе в горе и в радости — не пустой звук. Какое бы дерьмо она или я ни натворили, мы будем жить с этим до конца вместе. Иначе и жениться не стоило.

— Зачем же превращать свою и чужую жизнь в ад? — усмехнулся Кирилл.

— Вот поэтому я не сделаю ничего такого.

— А она? — прищурился друг.

— И она, — уверенно ответил.

— Это, братело, твоя жизнь, но на правах древнего друга скажу: ты будто в куклы играешь — наряжаешь, на руках носишь, с рук кормишь... У меня доча так в свои три года делает. Но тебе-то уже тридцать семь, глаза-то разлепи — не годится Сабина для семьи...

— Ты же друг мне? — положил руку ему на плечо и чуть сжал, смотря в глаза серьезно. Кирилл кивнул медленно, уже зная, что я скажу. — Вот и оставайся им.

[1] *Антрепренер* — владелец, содержатель, арендатор частного театра.

[2] *Апофеоз* — торжественная завершающая массовая сцена спектакля или праздничной концертной программы. Здесь героиня использует слово в качестве метафоры.

[3] *Главнюк* — главный режиссер.

[4] *На котурнах* — с пафосом.

[5] Чёс, чесать — ездить по городам со спектаклями невысокого качества, собирающими кассу.

Глава 2. Игра тылом

*Как себя поставишь, так тебя и вы***т...*

— Задорно ему будет... Старый козел! — ворчала Сабина, нервно расчесывая волосы.

Они дико бесили ее сегодня — тонкие и легкие как пух, ни в какую не желали укладываться, то одна прядь, то другая выскальзывала из заколки, делая прическу неопрятной и совсем не походившей на продуманный творческий беспорядок. Остервенело швырнула заколку о стену и топнула ногой, вымещая гнев на мужа.

Вчера он был беспощадно нежен в постели, растомил ее так, что она млела в его объятиях, забывая все на свете. Зарывался в ее волосы большой пятерней, держал под попу и будто укачивал под собой, урча от удовольствия колыбельную из стонов, милого шепота и ритмичного шелеста шелковой постели. Он любил ее от кончиков ногтей на ногах до макушки, нежил и сам таял от близости с ней...

А сейчас ей хотелось грубости до крика и слез. Чтобы каждый толчок выбивал воздух из легких и хрип из горла. Как это умел делать Виктор Борзов — режиссер и сценарист их труппы. Мужчина, который оказался обыкновенным бабником, и назло которому она поддавалась ухаживаниям Димы и вышла замуж. Виктора это, похоже, даже устраивало, потому что замужней ей он оказывал больше внимания, чем раньше. И уже ради этого она готова была терпеть невыносимую сиропную заботу и любовь Димы.

Сабина набрала номер любовника и уже через два гудка услышала сексуально хрипловатый низкий голос:

— Да, детка...

— Я соскучилась, — сразу суксилась Сабина, унижаясь перед брутальным самцом.

Она всегда боялась его отказа и, помани он ее пальцем, бросалась на его зов, едва не высунув язык и не кадая слюной от счастья.

— Я слегка занят сегодня... — Сердце девушки оборвалось. — Но у меня есть час...

— О-о, скоро буду! — перебила его Сабина, чувствуя, что сердце снова запустилось и забилось быстрее, чем застучали ее каблучки по лестнице, когда она понеслась к нему.

— Твоя попка хочет огня? — хохотнул мужчина и громким шепотом в динамик, будто на ухо, добавил: — Так неси ее ко мне скорее, детка, отжарю как следует...

Девушка неслась по улице на шпильках, забыв о неудачной укладке волос, о брошенном на пол полотенце и забытом на не заправленной постели завтраке. Все теряло значение и не стоило внимания, когда ее звал ОН — Виктор, мужчина, которому она безоговорочно подчинялась всегда и везде. Ради него она старалась быть лучшей на сцене и в постели. От его взгляда текла, как сучка, и дрожала от страсти. И теперь, зная, что муж не собирается с ней на гастроли в Москву, рвалась туда еще больше, чтобы отдаться страсти на полную катушку.

До дома Виктора было совсем недалеко — пара-тройка километров. Сабина могла бы поймать попутку, но предпочла сократить расстояние и пробежать мимо стройки, где работал ее муж. Каждая минутка была драгоценной, не хотелось ждать и колесить по району, когда в груди пылало в радостном предвкушении встречи сердце, и низ живота уже сладко тянуло.

Наконец, сорвав с дерева лист, Сабина парой движений обтерла от пыли каблучки и нажала кнопку домофона в новостройке. Виктор отозвался почти мгновенно — безмолвно впустил ее в подъезд, а уже через минуту встречал ее на пороге квартиры.

— Витя... — повисла у него на шее девушка, едва он захлопнул дверь за ее спиной.

Она потянулась к нему губами, выпрашивая поцелуй, и мужчина не заставил ждать. Впился в губы до боли, вызывая стон, целовал, не жалея нежной кожи, прикусывая ее и выпивая судорожный всхлип девушки.

— Дырочка моя... — нежно прошептал ей в истерзанные губы. Двинул пару раз похотливо бедрами, чуть согнув колени, потерся об нее выпиравшим между ног бугром. — Давай-ка поиграем тылом[1]... — скомандовал и сам развернул ее к себе спиной.

— Прямо тут? — капризно надула губки.

— Театр начинается с вешалки[2], — подтвердил главнюк и расстегнул сзади молнию на сарафане, задрал и заткнул подол в раскрытый вырез, стянул трусики со стройных ног и присел на корточки. Сабина запрокинула голову и зажмурилась от удовольствия, когда он раздвинул ее ягодичы и лизнул тугое колечко между ними. — Расставь ножки, детка, и прогнись, чтобы я видел тебя всю. — Девушка выпятила попу, послушно и с радостью подставляя себя под ласку. Охнула, когда теплый мокрый язык заскользил между ягодиц, а мужской палец надавил на очаг сладкого раздражения. — Мокрая... — констатировал и вплотную занялся входом в попку. — Держи сама. — Виктор положил ладони Сабины на ее ягодичы и раздвинул шире, спустил штаны и зажал член в кулаке. Его руки и язык работали быстро, нагоняя возбуждение на обоих, и когда девушка задвигала бедрами ему навстречу со стонами, встал, подхватил ее под колено и взялся за ручку входной двери, не давая опустить ногу. — Держи шире! — рывкнул, едва она убрала ладони с попки, и туго толкнулся в вылизанный вход. — Давай, детка,пусти меня... — рычал, чуть вытаскивая член и снова протискивая его глубже. — Старый хрен еще не трахнул тебя в зад? — спросил хрипло, тяжело дыша, когда вошел по самые яйца и мелкоамплитудно задергался, создавая лишь ощущение движения внутри нее.

— Ви-и-ить... — обиженно простонала Сабина, прикусывая от непривычной боли и неприятного ощущения губу.

— Я знаю, зачем ты ходишь к нему в кабинет. — Он вытянул член из попы, провел головкой вокруг другого мокрого отверстия, собирая смазку, и вернулся выше, на этот раз толкнувшись рывком. Сабина вскрикнула и следом всхлипнула, хватая ртом воздух, не расслышав его слова: — Я его привычки наизусть знаю, детка. Не ты первая, инженеру[3]... — он быстро выскользнул и так же резко дернулся обратно, ударяя бедрами о ее раздвинутые ягодичы, — ...не ты последняя...

Виктор держался за ручку двери, не давая опустить ногу, и долбил попу членом с глухим рыком, вбивая Сабину в дверь всем своим телом. Ей нравилось, когда он слетал с катушек и брал ее грубо и властно, но сегодня ей было больно и неприятно, и досадно от того, что он не дал кончить от его языка, а от этого секса она не чувствовала ни возбуждения, ни удовольствия. Она послушно стояла, отдав ему свое тело, и чтобы как-то смягчить себе боль, отпустила ягодичы и затеребила клитор пальцами, прижавшись к двери мокрой от слез щекой и закрыв глаза.

А еще было неуютно и неприятно от того, что любимый знал о ее интимных встречах с антрепренёром, хотя она так старалась делать это тайно от него. И теперь Виктор будто наказывал ее за измену, и это «инженеру» прозвучало там многосмысленно...

Сегодня все пошло не так. И чем кончится этот чертов день, она уже не знала. Стояла и скулила, пока он трахал ее жестко и, как ей казалось, очень долго. Впервые она с нетерпением ждала, когда он кончит, и радовалась, что у него осталось до конца свободного часа не слишком много времени. Но и того, что осталось, было слишком много для такого секса.

Он дышал часто и глубоко, вбивался в нее, уже почти не выходя, и вздрагивал в предвкушении разрядки. Сабина уже обрадовалась, что он вот-вот отпустит ее, когда Виктор выдернул член, рывком развернул ее к себе лицом и резко заставил встать на колени.

— Отсоси! — глухо рыкнул и ткнул ей в припухшие губы красную блестящую головку. — Открой рот! — рывкнул грубо и сдавил пальцами ее щеки, вынуждая разомкнуть губы и зубы, и тут же сунул член глубоко, проникая в глотку. Сабина распахнула глаза и поперхнулась, не желая принимать его в рот после анального проникновения, но мужчина не дал выбора — он

держал ее за затылок и подбородок, трахая рот со стоном. — Соси-и-и... — снова потребовал, оставляя во рту лишь головку.

Сабина послушно принялась сосать, втягивая щеки и играя кончиком языка вокруг отверстия в твердом намерении — лишь бы он быстрее кончил. Уже через несколько секунд Виктор пустил ей в рот густую струю.

— Извини, — бросил скупое, натягивая штаны с довольным видом, — не знал, что твоя задница еще целка. — Его широкая улыбка говорила, что он был этому рад. — Обещаю потом быть нежнее. — Неожиданно он весело расхохотался. — Нет, ну надо же! И муж тебе в жопу не засадил ни разу?! Вот лох!..

Сабина не разделяла его веселья, хотя обычно поддерживала его шутки в адрес мужа. Сегодня Виктор перешел какую-то черту, и она сама позволила ему это. Он словно натывал ее мордочкой в ее же испражнения, как котенка.

— ...Ну, извини, извини! — подошел к ней режиссер и обхватил ее за талию. Притянул к себе и прижался крепко. — С катушек слетел, ты просто представить не можешь, как здорово быть первым, а у замужней девушки обнаружить целку вообще нереально. Моя ты маленькая дырочка...

Витя накрыл ее губы страстным поцелуем, но то и дело отпускал их — его пробирал смех, который он никак не мог остановить, да и не хотел. Мужчине было удивительно, что лоховатый владелец этого шикарного тела не тронул эту дырку. Может быть, оставил на потом, когда приесться влажная розовая щелка? И от мысли, что первый проложил дорожку, Виктор смеялся, не в силах успокоиться.

Он взглянул на настенные часы в коридоре, дальше которого они так и не продвинулись, и заторопился:

— Черт... Детка, мне пора бежать.

— Ну-у, Ви-ить... — протянула Сабина, надув припухшие губки. — Я даже не кончила.

— Поласкай сама свою дырочку, детка. Давай-давай, мне нельзя опаздыва-а-ать... — пропел он последнее слово, поворачивая девушку к себе спиной, поправляя на ней сарафан и застегивая молнию на спине. — Если хочешь кончить, приходи вечером попозже.

— А ты куда? Можно с тобой? — с загоревшейся надеждой в глазах спросила девушка, натягивая трусики.

— У нас чисто мужская компания, пиво, бильярд, дым сигарет... — отрицательно качнул головой Виктор, смотря на себя в зеркало и приглаживая густые волнистые волосы.

Он был по-мужски красив: тело без кубиков, но и без животика, карие глаза, густые каштановые волосы, квадратный подбородок с вертикальной ямочкой посередине, чистая кожа. И даже немного колесом ноги придавали его облику мужественности. Его широкая улыбка разила женщин наповал, ему не надо долго очаровывать их. Напор и наглость с откровенной похотью во взгляде быстро ломали слабое сопротивление любой, а жесткий секс, который, по его мнению, больше всего любили представительницы прекрасного пола, делали связь с ним незабываемой.

Не забыла ее и Сабина. Виктор трахнул ее в задницу прямо на пороге своей квартиры. И это могли понять все, кто ждал лифт! Она слышала и стук двери подъезда, и писк домофона, и голоса людей, и как открывались дверцы лифта, пока мужчина буквально вколачивал ее членом во входную дверь. Ручка дергалась под ее коленом, которым она упиралась в косяк, и на нем теперь краснела вдавленная полоса. Хорошо хоть сарафан прикрывал этот позор. Девушке казалось, что каждый поймет, чем она только что занималась.

Ей было странно неуютно на душе. Как-то... склизко. Мелькнула мысль, что пора заканчивать встречи с Виктором, но тут же пропала — Сабина влюбилась в режиссера как кошка, и представить себе не могла, что их встречи закончатся. Она ревновала его даже к замужней

молодой женщине, которая работала в театре уборщицей. Иногда та садилась рядом с Виктором и смотрела репетиции, и мужчина шутил с ней, о чем-то разговаривал и покрикивал при ней на нее — Сабину. Потому что в такие моменты она забывала слова своей роли, сбивалась в сценах от неуправляемого синдрома собственницы. И окрики Виктора, когда эта голодранка в синем халате улыбалась, глядя на нее, доводили Сабину до иступления. Она закатывала скандал и убегала со сцены в слезах от раздиравшей грудь обиды.

Виктор ни разу не приходил пожалеть ее или успокоить. Обычно он просто звонил на сотовый и гаркал «Быстро на сцену!», и она не могла послушаться. Сабина никогда не могла пойти против его желания, всегда боялась обидеть его, стать ему неинтересной, что ее место займет другая. И она возвращалась. Девушка бегала за ним, как собачка, ловила взгляды, жмурилась от звука его хриплого голоса... А уж когда он за чем-то обращался к ней, расцветала, как ночная фиалка...

Сабина шла домой и не замечала ничего вокруг, погруженная в свои мысли, и вскрикнула от неожиданности, когда вдруг оказалась в чьих-то объятиях. Забилась, когда рот накрыли чьи-то губы, и начала лупить кулаками наглого незнакомца.

— Теперь я знаю, что у меня верная жена, — услышала довольный голос и, шумно выдохнув от облегчения, схватилась за сердце. — Никому не даст себя лапать!

— Димка... ну нельзя так пугать... — Она глубоко дышала, еще не в силах успокоить адреналин в крови.

— Я тебя издали за приметил, видел, как ты в ту сторону прошла.

— Не думала, что у тебя есть время смотреть по сторонам, — проворчала и задрала голову, приложив ладошку козырьком от солнца. — Ты на самом верху?

— Ага, завтра заканчиваем второй двенадцатый этаж, — улыбался мужчина. Сабина сложила красивые бровки домиком, рассмешив мужа. — У строителей суеверие есть такое, мы нумеруем этажи: десятый, одиннадцатый, двенадцатый, двенадцатый дробь один, четырнадцатый.

— Какая глупость, — скривила губы девушка. — И что случится, если нумеровать правильно?

— Не хотелось бы проверять, — покачал головой Дима и неожиданно спросил: — А ты куда ходила? Наверное, в новом микрорайоне магазины обследовала? Говорят, там неплохой супермаркет открылся.

Сабина незаметно перевела дух — если бы муж невольно не подсказал ей ответ, она бы совсем растерялась, а врать ему в мелочах совсем не хотелось — их невозможно запомнить лжецу, но именно нюансы всегда помнит тот, кому соврали. Дикая несправедливость!

— Ты представляешь! Забыла кошелек и ничего не купила, — сразу нашлась девушка.

— Встреть меня вечером, ходим вместе, купим что-нибудь неприлично дорогое и вкусное. У меня для тебя сюрпри-из! — весело протянул мужчина, заключая талию любимой жены в объятия. — Устроим романтический ужин в джакузи, займемся развратным сексом, ммм?

Глаза Сабины загорелись — муж еще после свадьбы хотел подарить ей набор с бриллиантами. Она повисла у него на шее и зачмокала его лицо под его счастливый смех. И даже когда он крепко поцеловал ее, лишь на мгновение испугалась и изумилась, как Дима не заметил ее припухшие истерзанные Виктором губы. Ее муж настолько идеален, что не замечает очевидного!

— Ди-им... — протянула она, смотря ему в глаза, — ты такой классный...

Она ничуть не лукавила в этот момент, и даже, как ей казалось, любила его.

— Ну-у... ты тоже ничего так... — пошутил он и отпустил жену. — Прости, родная, перерывы у нас короткие, скоро сдаем объект, торопимся.

— То есть этот второй двенадцатый этаж последний?

— Ага.

Дима чмокнул жену и быстро нырнул за ограждение. Подмигнул ей, когда поправлял отодвинутую секцию, оставив Сабину стоять на улице.

Домой она уже не шла, а порхала, улыбаясь во весь рот и что-то напевая. Мысленно она уже представила дорогое украшение, примерила с ним все наряды в любимом бутике, помечтала о новых туфельках и клатче и в красках, прикрывая томный взгляд ресницами, строила глазки воображаемому Виктору в новом шикарном облике светской дивы. Уж он не устоит перед ней, и не будет никуда торопиться, и секс у них будет страстный и долгий. Она даже не снимет украшение с шеи, ушей и пальчиков. А может быть, и с запястий и лодыжки.

Сабина заглянула по пути в салон красоты на маникюр и педикюр и в этот раз даже не шипела на мастерицу, как делала часто чисто из вредности, давая понять разницу в их статусе.

Весь оставшийся день до вечера у девушки было отличное настроение. Она, танцуя и подпевая орущему голосом Джона Бон Джови динамику, вытерла пыль, очистила стеклянные стены первого этажа снаружи — не так давно прошел ливень, и капли забрызгали стекло мутными кляксами — а напоследок натерла до блеска полы и запекла в фольге семгу — любимую рыбу ее строителя. Лучезарное настроение омрачала только тупая боль в заднем проходе и тянущее желание секса. Нет, сегодня вечером Сабина не пойдет к Виктору, ей совсем не понравилась срежиссированная им встреча. Сегодня она забудет об этом неприятном свидании в объятиях ее щедрого мужа, будет купаться в его любви и даже сама сделает ему приятное — дорогой подарок стоит того, чтобы впервые подарить Диме минет.

Сабина за мечтами и заботами не заметила, как пролетел день. Муж уже час назад должен был вернуться домой, но почему-то даже не позвонил предупредить, что задерживается. Хотя такое бывало и раньше в конце месяца или квартала, значит, у нее есть время приготовить свое тело для любовной оргии.

Она следила за собой с особым тщанием, но нет предела совершенству. Крутясь перед зеркалом в ванной, гладила кончиками указательных пальцев брови и чуть поворачивала голову, прикидывая, как бы смотрелись на их месте татуированные. Надувала и оттопыривала губы, чтобы прикинуть, не пора ли вкачать что-нибудь для объема. Раздевшись донага, взвеси́ла упругие груди на ладонях и склонила голову набок — они чуть великоваты для ее телосложения, и это Сабине нравилось, потому что добавляло телу сексуальности, но вот их форма... Девушке хотелось, чтобы грудь была дерзкой, немного островерхой, чтобы набухшие твердые соски были темнее и выглядели вздернутыми острыми пиками наслаждения. А эта блеклая розовая пигментация и крохотные бусинки в центре ореол, как в насмешку, смотрелись недоразвитыми. Впервые мелькнула мысль, что во время такой желанной ее мужу беременности грудь стала бы еще больше, и это бледно-розовое невзрачное недоразумение, возможно, увеличилось бы естественным образом. Хотя что она об этом знала? Да и знать не хотела. Она стала примой совсем недавно и еще не вполне уверенно чувствовала себя в этом статусе.

А всему виной Злата Королева.

Сабина зашипела, как змея, едва в памяти всплыл образ второй еще совсем недавней претендентки на роль примы — талантливой девушки старше ее на три года. Как же бесило даже имя этой конкурентки! Надо же — Злата Королева, именно вот так — через «е»! Наверняка ее родители специально выбрали настолько вульгарный нейм в довосок к пошлой фамилии, как мандалу для будущего успеха! А этот Виктор... Сабину бесило до вспышек в глазах, когда он со пафосно командовал: «Ваш выход, Королева!» До полного комплекта ей не хватало заполучить в постель режиссера и стать примой. Но Сабина вовремя смекнула, перед кем раздвинуть свои длинные точеные ножки, чтобы проклятая Злата не получила эти трофеи. А больше всего бесило, что эта чертова Королева не обращала внимания на ее — Сабину — колкости и была всегда дружелюбна и приветлива. Какая наглая лицемерка! Неужели она не видит и не чувствует, как Сабина ненавидит ее?! Разве можно быть душкой с соперницей?

Только если она не считает Сабину соперницей...

От этой догадки Сабина аж задохнулась — чуть не захлебнулась собственным ядом и горячей ненавистью. Зарычала, сжав кулаки до кровоподтеков на ладонях от длинных ногтей, и топнула пяткой. Лишь морщинка меж нахмуренных бровей привела ее в чувство.

Девушка повернулась к зеркалу спиной, наклонилась и раздвинула ягодицы, разглядывая плотно закрытую дырочку между ними — вроде не видно, что там кто-то побывал... Но как же было неприятно, когда Витя всовывал туда свой член... Лишь через какое-то время почти исчезло противное ощущение необходимости сходить по нужде. Сабину передернуло. Она — будто жалела и успокаивала, обещая телу, что эта гадость больше никогда не повторится — огладила попку ладошками и провела кончиками пальцев по нежной коже паха — эпиляция безупречна, она гладенькая, как младенец!

Поглаживая чувствительную тонкую кожу, Сабина забыла обо всем остальном — так приятно касаться себя, а когда еще нежнее и, одновременно, требовательнее это языком делал Дима... Девушка ощутила влагу на розовых лепестках, еще недолго поиграла с клитором и решительно встала под душ — возбуждение она сохранит до прихода мужа и устроит ему шикарный прием между ее ног. Голая, развратная, с затуманенным влажным взглядом, прикусившая губу и стонущая в преддверии оргазма, она будет умопомрачительно смотреться в бриллиантах.

[1] *Играть тылом (театр. слэнг) — работать спиной к зрителю.*

[2] *Константин Станиславский*

[3] *Инженю — амплу актрисы, играющей роль наивной девушки. В данном случае персонаж использует слово, подразумевая наивность героини.*

Глава 3. Конфидантка

*Любовь — это блеф. Это как поход в театр:
вы оба платите много денег, чтобы испортить себе весь вечер.
Но когда вас спрашивают, понравилось ли вам, вы отвечаете:
«Да, было просто чудесно!» («Черное зеркало»)*

— Мне трудно даже представить, как проходили ваши свидания, — вытирая лицо полотенцем после рабочего душа, признался Кирилл, продолжая еще в обед завязавшийся разговор. — Сабинка же, как кукла: ресничками хлоп, губки бантиком, что ни взмах руки — царевна-лягушка, что ни шаг — принцесса-лебедь, что ни поза — то театральная постановка. Хотя нет, на сцене она двигается куда естественнее и проще.

— Кир, в челюсть хочешь? — осадил я разговорившегося друга.

Я знал, что он недолюбливал мою жену, но знал и одну из причин этой нелюбви — он еще со школы всячески обращает мое внимание на одноклассницу Катю, влюбленную чуть ли не со средней школы. И то, что сегодня активно нападал на Сабину, значило только одно — Катя, как и говорил с неделю назад друг, приехала и гостит у старшей сестры, по велению любви ставшей женой Кирилла. И это утреннее добровольно-принудительное данное мной обещание после работы заглянуть на партию в шахматы теперь хотелось забрать, но я хозяин своему слову.

— Челюсть можно поправить, а вот поломанную жизнь — нет. Я на правах друга могу и должен говорить тебе как есть, а не как ты хочешь слышать, — жестко отрезал друг. И был прав.

— Так что же на правах друга ты не сказал как есть — что приглашаешь не на партию, а на подстроенное свидание с Катей? — заметил с упреком.

— А я и сейчас не говорю! Но мне нравится, что ты подумал о ней! — живо отозвался Кир. Я дернул бровью, призывая к откровенности лучшего, верного и единственного друга. — Да, Катюша приезжает, но не сегодня! — выставил он указательный палец.

— В чем подвох? — я нахмурился, отгоняя прочь вспыхнувший в груди жар, катившийся в живот горячим свинцовым мячиком.

Одно только имя «Катя» вызывало защемление чего-то в сердце и тяжесть внизу живота, а еще ощущение неправильности, которую я стремился нивелировать, выстраивая идеальные отношения с женой.

— Братело, ну какой подвох?! — Я даже рта не успел открыть, чтобы парировать ответом, что наш с Сабинкой дом открыт для друзей, как получил откровенно и увесисто: — Даже думать забудь об этом.

Не успев открыть рот, я его захлопнул — один позорный и крайне неприятный случай имел место и стал причиной первой и единственной крупной ссоры между мной и Сабинкой. Я прекрасно понимал друга, потому что на налитые слезами обиды и унижения глаза Нины смотреть было выше и моих сил тоже. Обидеть такого человечка — то же самое, что обидеть ребенка. Я готов был разорвать собственную жену на части за жестокость и язвительность. До сих пор в душе поднимается волна негодования, стоит вспомнить, как, с отвращением скривив губы, Сабина приняла от приглашенной мной гостьи блюдо с пирожками, отправила в мусорное ведро и ушла в комнату, бросив мимоходом: «Я, в отличие от вас, милочка, не свинья... — она окинула полненькую аппетитную девушку презрительным взглядом, — жрать что попало». Следом за этим хлопнули две двери: спальни — за Сабинкой, входной — за Ниной и Киром. Его побелевшее лицо, гулявшие скулы, плотно сжатые губы и тяжелый без слов всё сказавший мне взгляд я не забуду никогда. Меня будто прихлопнуло этими дверями с двух сторон, а молчание друга, смазанное слезами его необыкновенно душевной и всегда позитивной жены, просто пробило от затылка до пяток словно ледяным гвоздем. Я тогда сорвался впервые в жизни

— достал из мусорки пакет с пирожками и пришел в спальню к жене. Бросил ей угощение на колени и взял в шкафу ремень. Пирожков было штук двадцать, красных полос от ударов на голой заднице жены — в десять раз меньше, но они помогли ей съесть половину сдобы.

Ни Кир, ни Нина до сих пор не в курсе, что происходило между нами — я достаточно унизил жену без рукоплещущих зрителей. Первый скелет повис в копилке семейных тайн. Мне неприятно это вспоминать, и вряд ли я забуду это мерзкое ощущение вынужденного насилия. Я не бью женщин, и пара протяжек по голой попе были призваны сравнить самоощущения Сабины с тем, что творилось по ее вине в душе Нины.

После этого унижительного для нас обоих воспитательного процесса Сабина предприняла несколько попыток сбежать из дома, но я молча приходил в театр к концу репетиции или в ее комнату в общежитии, откуда и забрал ее после свадьбы, взваливал на плечо и увозил домой, не обращая внимания на удары кулаками и ладошками по спине, визги и совсем не театральные выражения. «Если вышла за меня замуж — будь добра оставаться женой, что бы ни натворила», — единственное, что сказал ей в тот тяжелый месяц.

Я не падал ниц перед друзьями и не приносил клятв в духе «больше никогда». Пришел к ним и извинился. И тогда уже мой взгляд все сказал Киру и Нине — не зная, как именно, но они оба знали, что Сабина легко не отделалась. Именно после этого мы с женой пришли к компромиссу, что отдыхать будем врозь в своем привычном кругу. Я не мог представить себе, что можно еще сделать такого, чтобы на душе стало хоть на десятую долю так же отвратительно, и потому считал, что самое гнусное с нами уже случилось.

— Это будет партия на кружку чая — не больше, — выстрелил я из сложенного из пальцев пистолета в друга. — Надо успеть в одно место заскочить по дороге домой.

— Но-но! — поддержал мальчишескую выходку Кир, вставая в боксерскую стойку. — Мы еще посмотрим кто кого! И вообще, — выпрямился он, — куда ты лыжи намазал?

— Да утром еще перед работой заскочил в турагентство и попросил подобрать кругосветку на лайнере на двадцать один день. После гастролей у Сабины заканчивается сезон. Наконец, отправимся в свадебное путешествие.

— А тетя Юля? — беспокоился о моей матери друг.

— Она поедет в санаторий на Алтай, не захотела к нам присоединиться.

Кир понимающе кивнул:

— Я бы тоже с гремучей змеей даже на стоэтажном лайнере отдыхать не рискнул.

Я тяжело вздохнул и не удостоил друга ответом на очередную шпильку в адрес Сабины. Не тогда, когда в солнечном сплетении снова запекло от переплétшихся воспоминаний.

Она идеальна. Сабина смотрела на себя в зеркало, мокрая и распаренная после душа, и любовалась собой. Безупречная от самого маленького ноготка на мизинчике на ножке до мокрых прядок, взлохмаченных полотенцем и улегшихся вокруг ее головки светлым нимбом, будто стекавшим по плечам на грудь и спину. Пронзительно красивая, до слез.

Гель для душа — малина с молоком и медом, который она считала слишком простым для нее, но запах которого так нравился Диме — был единственным минусом. Но девушка уже почти не слышала этот сладкий летний аромат. Главное, что он делал ее абсолют для мужа. Мужчина просто слетал с катушек, становился секс-машиной и пожирал ее своей страстью, что казалось — малина содержит «Виагру». Сабина быстро поняла, что эта ягода — то, от чего Дима отказаться не в силах даже под страхом смертной казни. Кто бы подумал — такой brutальный, легко справляющийся с отбойным молотком и способный ребром ладони разбить доску, с не накаченными в спортзале, а настоящими, появившимися от работы литыми мышцами, таял как этот самый мед в теплом молоке от простого и немного приторного аромата какой-то там ягоды.

Сабина надела малиновое кружевное белье и накинула сверху атласную короткую сорочку из этого же комплекта. Едва успела высушить и уложить волосы «беспорядочной» крупной волной, как услышала знакомый шелест покрывшек во дворе — приехал Дима.

С сильно бьющимся сердцем в предвкушении радости она дождалась, когда защелкнется замок на входной двери за его спиной, досчитала до пяти, давая ему время разуться, и бросилась из комнаты в холл, с ходу запрыгивая ему на руки. Диме пришлось отступить на шаг, чтобы удержаться на ногах, а сказать ему Сабина не дала даже звука — впилась в его губы нецеломудренным поцелуем голодной самки.

Она лишила меня права слова, дыхания и свободы воли — просто опоясала ножками и вышибла все одурительным запахом чистой кожи и малины с медом. Держал ее под попу и чувствовал, как шустрые пальчики лишают меня одежды прямо по пути в спальню. Упал на постель, так и не выпущенный из объятий, содрал с нее белье. Меня бросило в пот от возбуждения, жена словно сошла с ума — ее глаза лихорадочно блестели, а от штанов вместе с трусами она избавила меня за какие-то жалкие секунды. А уже в следующие натянула меня на себя и себя на меня. Ее прохладные пятки на моих ягодицах прищипывали, требуя несдержанности, и я сразу спустил себя с цепи, засадив ей на всю мощь и глубину. Сабина вилась подо мной и стонала, прогибаясь в пояснице и плотнее прижимаясь к моей груди и бедрам. Мы вместе балансировали на краю крышесносной пропасти, в которую нырнули с порога, и уже через несколько минут жестких рывков ее нежная влажность плотно пульсировала вокруг члена, а я расслабил напряженные ягодицы, спуская густую струю в самый пик ее экстаза. Ее пальцы впились мне в плечи, она вся дрожала и тяжело дышала, наслаждаясь оргазмом.

Муж и жена... Это совершенно другое звучание отношений. Это обнаженные не только тела, но и души, мысли и желания. Это лишение тайн и стыдливости. Это полное приятие человека в себя, целиком, со всеми его проблемами, неполадками, срывами. Это вторая половинка не на словах, это вторая реальная часть тебя, которую нужно осмыслить, дать коды доступа ко всему, что есть ты сам, получить такой же безлимитный и безвременный пропуск во все, что важно и неважно второй части новообретенного «я». Это, раз присоединив, уже никогда не оторвать и не выключить, как кино, даже если жизнь превращается в самый жуткий триллер. Это одна на двоих аура и карма. Это два минуса, которые обрели предназначенную им часть себя и соединились в плюс. А плюс — это всегда кто-то еще. Ребенок. Не один. Два, три... Это круговорот жизни.

Она перевернула меня на спину, оседлала и прикрыла глаза, раскачиваясь на члене все быстрее.

Моя прелесть... Моя жена... Моя бесценная юная женщина...

Я снова был вооружен и перезаряжен. Сабина возбуждала меня так, как не смогла бы, наверное, и «Виагра». Она впилась пальцами в мою грудь, царапая кожу, и двигалась взад-вперед в гипнотической волне, не выпуская мою плоть из тесной своей. Некстати вспомнилось, как Кир назвал ее змеёй — сейчас она и напоминала кобру, завораживающую блестящими глазами и плавными движениями гибкого стана. И я хотел быть ее добычей, жертвой, искусанной и истерзанной сладкой пыткой.

— Я хочу поиграть с твоим членом... — прошептала мне в губы, наклонившись и прижимаясь грудью к моему торсу.

— Делай, как хочется, моя сладкая, — ответил на ее горячее желание и обжигающий поцелуй.

Она словно сошла с ума, целовала, покусывая мои губы и чуть всасывая язык, двигалась быстрее и резче, аккомпанируя нашим стонам сочными шлепками тел. И когда я откинулся в подушки, отдаваясь накатывавшим волнам предоргазма, вдруг соскочила с меня и... одним движением натянула свой ротик на мой член. Я присел от неожиданной ласки. Сабина стояла на

коленях между моих ног и смотрела мне в глаза, всасывая головку туго и невероятно приятно. У меня остановилось дыхание и замерло сердце от острых ощущений. Жена впервые взяла мой член в рот, и ей явно нравилось это. Я осторожно толкнулся навстречу движениям ее головы... еще раз... еще... и уже трахал ее ротик, подкидывая бедра, отталкиваясь ступнями от пола, опершись на руки за спиной.

Возбуждение было настолько горячим и острым, а ощущение сильными, что я, трахая ее, безумно хотел ее трахнуть, будто и не сосала она меня, как самое вкусное, что ей попадало в рот, а я не терял ориентацию в пространстве от того, что от наслаждения кружилась голова и все вокруг заворачивалось в сверкающую пружину, вот-вот готовую разнести в хлам мою выдержку. Меня колотило, будто в сильнейшем ознобе, от дикого нетерпения кончить, оповестив громким криком весь мир, как мне хорошо с моей женой, как она желанна и необыкновенна в постели.

Но я сдержался чудом, лишь потому, что снял волшебный ротик с раскрасневшейся от беспощадной ласки головки, наклонившись, перевернул Сабину вниз головой и упал на постель, любуясь ее розовенькой промежностью, оказавшейся над моим лицом.

Манящий вход призывно пульсировал, а я смотрел и улыбался, чувствуя, как окаменевший член и поджавшиеся в преддверии пика наслаждения яйца гудят от закипавшей крови — Сабина вылизывала меня до кончика головки и быстро дрочила член, зажав его в бархатной ладонке.

Я потянулся и проник языком как мог глубоко в ее теплое влагище и застонал от того, как его мышцы сжались и затрепетали. И ответил тем же — лизал ее внутри, дразнил языком, и уже не владел собственным телом — меня буквально швыряло в ее тесный ротик, потому что она снова сосала меня до пикантной боли. Я прижимал ее бедра к себе ближе и крутил под ней словно онемевшим телом, уже чувствуя первые волны близкого экстаза. Сабина трахала мой язык и мой член, я трахал ее рот и ее лоно, мы доводили друг друга до того края, за которым начиналась нирвана. Она первая сорвалась в нее, когда я сжал губами ее клитор. Моя завораживающая кобра подобралась вся и словно бросилась в экстаз, закричав и забившись бедрами, крупно дрожа и пульсируя. На пару секунд оставленный без внимания член вдруг снова погрузился в ее рот до самых сжатых а ладонке жены яиц, и теперь уже не удержался я — рухнул в крышесносный оргазм, заставляя протяжным криком вибрировать складочки, в которые впился губами, как в кислородный коктейль, потому что жар, прокатившийся откуда-то изнутри до кончика члена, хлынул в ослабевшие ноги и полыхнул до самого сердца. Меня пробрало насквозь, словно от мощного удара стрелы самого Эроса...

Она отпустила меня, когда я освободил ее бедра, перевернулась и, тяжело дыша и утирая мокрый рот, положила голову мне на живот.

— Ты мое чудо... — прошептал благодарно, обессиленный, вытраханный до пустоты в яйцах, глядя ее мокрые от пота взлохмаченные волосы.

Голенькая, потная, раскрасневшаяся и удовлетворённая, с распахнутыми ножками и тяжело вздымавшейся от глубокого частого дыхания идеальной грудью, она была лучшим зрелищем из всех существующих. Мне хотелось овладеть ею снова, подмять от себя, накрыв телом от всего мира, и снова пуститься в погоню за оргазмом, но нужно было восстановить силы.

— Накормишь?

— Шампанское будешь? — с готовностью отозвалась жена. — На свадьбе ты так и не открыл его.

— У нас есть повод? — вскинул брови, взвесив тяжелую грудь на ладони, словно она и есть главный аргумент согласиться или отказаться.

— Ну-у... развратный секс случился, романтический ужин я подам в джакузи, как ты и хотел, а ты что-то говорил про сюрприз...

Ее глаза буквально горели от предвкушения. Я улыбнулся и сел, заграбастав Сабину себе на колени:

— Джакузи отменить — моя жена должна пахнуть мной. И развратный секс... — схватил губами ее сосок и немного приласкал языком, — еще не закончился, милая. Буду любить тебя пылко всю ночь, чтобы завтра ты весь день ощущала меня в себе и думала обо мне, — я игриво оскалился и устрашающе, но нежно прикусил ореол и слегка оцарапал нежную кожу груди краешками зубов.

— Тогда накрою в гостиной? — расплылась в улыбке, боязливо прикрывая от моих нападков грудь.

— Неси сюда, — ссадил жену с колен и встал на еще слабые ноги, — а я пока кое-что принесу.

Сабине нравилось заниматься любовью с мужем. Только отдаваясь ему, она получала чистое наслаждение.

Виктор брал ее когда и как хотел, и, скорее, ей секс с ним был нужнее, чем ему — это чувствовалось интуитивно. Сабина не желала делить его ни с кем, потому готова была давать ему где, когда и как угодно, лишь бы поддерживать в нем необходимость в ней, интерес, но последнее время режиссер трахал приму и сразу же находил причины уйти или выпроводить ее.

С Грегом же каждый сеанс — просто очередной взнос за место примы, регулярные платежи за кредит доверия. Сабина просто играла роль для него в их театре для двоих, развлекая женатого охочего до молодого тела зрелого мужчину. Ее устраивал заезженный сценарий их встреч, которые уже не казались чем-то предосудительным, а стали рабочими моментами, как регулярный сбор трупы. Беспокоило лишь, что последние встречи Грег все дольше заводился, чаще терял возбуждение, так и не дойдя до логической точки. И пусть бы, но у девушки прокатывался липкий пот по позвоночнику от мысли, что руководитель трупы может завести другую фаворитку. И пусть бы — вздохнула бы с облегчением, но тогда она потеряет место примы, а вот этого уже она допустить не могла. Это была бы катастрофа, ее тщательно выстроенный образ звездной дивы рухнул бы молниеносно, она стала бы посмешищем в своем кругу, где слабых «добивают». Сабине пришлось бы запереться дома и не показываться на глаза знакомым, стать затворницей-неудачницей, которая варит мужу щи и штопает детские носки. Одна эта мысль вызывала отторжение, страх и ярость, а потому девушка решила во что бы то ни стало удержаться на верхушке местного Олимпа и «платить по счету» Грегу, пока не сможет зацепиться в столице.

А Дима... он никуда не денется. Сабина закатила глаза, сервируя столик-поднос, пока он, как всегда сам, поставил стираться свою рабочую одежду и вымыл термос и контейнер, в котором брал на работу стейки и салат. Девушка оглянулась посмотреть на голого мужчину, стоявшего к ней спиной.

Он идеален. Сексуальные ямочки над упругими красивыми поджарыми ягодицами, сильные ноги с красивыми ступнями и здоровыми ногтями, широкие плечи, покато переходившие в мощные предплечья... Сексуально привлекателен и стабильно, надежно, железобетонно принадлежащий ей.

Сабина всегда с высокомерной гордостью шла с мужем по улице или прохаживалась по торговому центру, вздергивая гордо носик, потому что крепкая широкая ладонь лежала на ее талии, и улыбался муж только ей, абсолютно не то что игнорируя, просто не замечая, как на него смотрят девушки и даже женщины в два раза старше ее. Над ними она почти откровенно потешалась, едва не охлащивая ледяным взглядом с головы до ног, безмолвно донося, что им нечего ловить, когда у Димы есть она — его любимая жена. С Димой она получала истинное наслаждение, потому что он был до безобразия развратен, но чутко к ее желаниям.

Сабина отдавала себе отчет, как ей на самом деле с ним повезло. Правда, иногда она так совсем не думала и душой рвалась от него подальше, от его домостроевских старомодных взглядов и твердой убежденности, что браки совершаются на небесах и лишь раз, а потому беречь семью нужно и в радости, и в катаклизмах. Для него не существовало слова «развод». Только «мы со всем справимся вместе».

— Нравлюсь? — улыбнулся Дима, поймав ее скользкий по его телу взгляд, когда обернулся и поиграл бицепсами и мышцами ягодиц.

Сабина рассмеялась:

— Ты иногда как напичканный тестостероном подросток.

— Так у меня и жена не так уж и давно из пеленок, — подмигнул Дима и ласково шлепнул ее по попе. — Мне будет шестьдесят, тебе не будет и пятидесяти, я должен быть в тонусе, чтобы волновать твое тело. Нам с тобой нужно будет изучить все позы, попробовать что-нибудь из игрушек... — Мужчина мечтательно закатил глаза, изображая пик блаженства, за что получил легкий шлепок по широкой груди и по твердому рельефному прессу.

— Развратник! — наигранно возмущенно вспыхнула Сабина и понесла в спальню поднос на ножках, специально заманчиво виляя бедрами и краем зрения следя за тем, как на ее соблазнения реагирует муж.

— Я просто очень тебя хочу... — опалило ее шею его дыхание, а потом и легкий укус. — Поставить тебя на коленочки, развести ножки пошире, вылизать и сзади трахнуть твою мокрую девочку безжалостно и сладко, чтобы ты стонала и задыхалась от силы оргазма. Хочешь такой секс, жена моя? — проникновенно и грязно соблазнял ее, пользуясь тем, что у нее заняты руки, сжимал ее груди, притягивая жену к себе. — Я...

— Хочешь есть, — перебила его Сабина и увернулась от укуса в плечо со смехом, — потому что на все твои грязные фантазии у тебя не хватит сил, если ты не подкрепишь их белком.

— Сначала я съем мясо, а потом тебя, — серьезно, будто инквизитор, озвучивший участь ведьмы, ведя ее на костер, сказал Дима, обошел ее и подошел к комоду, над которым висела огромная плазма. Открыл верхний ящик, где они хранили документы, ценные вещи и деньги, и вдруг обернулся: — Помнишь, как мы с тобой познакомились? — его глаза загорелись озорством. — Помнишь, что ты мне пообещала? — Сабина неопределенно тряхнула головой — не помнила и не хотела обижать этим, но ее муж сам ответил на свой вопрос: — Что ты станцуешь голая только для мужа и только от большой радости... — Он подмигнул жене, напомнив о том, как в вечер знакомства она шипела на него, дерзила и провоцировала. Опустил руку в ящик, вытащил какую-то папку, покрутил ею и торжественно потребовал: — Танцуй, жена!

[1] Конфидант — актер, играющий роль приближенного главного героя.

Глава 4. Сплошная вижтюковщина

Дышать темно, и воздуха не видно

Она вздернула брови, аккуратно опустила поднос на постель и подошла ко мне. Я притянул ее к себе и обхватил сзади, положил руки на плоский живот. Сабина открыла папку, пролистнула путевки на круизный лайнер и несколько проспектов, задрала головку, смотря на меня снизу вверх, и спросила:

— Что это?

— Сюрприз, — наклонился и прижался щекой к ее щеке, — круиз двадцать один день по Средиземному морю и Атлантике с трехдневной остановкой в Калифорнии.

Жена захлопнула папку и сунула ее назад в ящик. Расцепила мои руки, молча взяла халат и вышла из комнаты. Я услышал, как хлопнула дверь на террасу.

— Не понял... — адресовал безмолвию растерянную фразу, поискал взглядом домашние штаны, надел их и вышел вслед за женой.

На улице была та самая пора, когда солнце уже скрылось, но его лучи еще дарили приглушенный свет. Тот самый промежуток времени, когда все кошки серы и пороки выбираются наружу из преисподней части человеческих душ. Жара ослабила душную хватку, но вечерние тени еще не остыли.

И этот природный негласный, но очевидный перелом ярко совпал с ситуацией, в которой я почувствовал себя дураком.

Сабина сидела в ротанговом кресле, поджав коленки к подбородку и натянув халат до пальцев ног. По ее щекам скользили по мокрым проторенным дорожкам крупные слезы, чистые и явно горячие, судя по тому, как жена всхлипывала. Я присел перед ней на корточки и поднял ладонью подбородок. Она закрыла глаза, а через пару секунд дернула головой в сторону и вверх, выказывая ярое недовольство моим прикосновениям. Я совершенно ничего не понимал.

— Ты хотела бы сменить лайнер? Или океан? — тупой вопрос, но с чего-то надо было начинать.

— Тебя я бы хотела сменить! — зло выпалила она мне в лицо и остервенело вытерла ладонями мокрые щеки.

— Ну это вряд ли. Видели глазоньки, что рученьки брали, — усмехнулся я.

— Я тебя ненавижу! — процедила сквозь стиснутые зубы жена.

— Это яркое чувство, но вряд ли настоящее, — спокойно ответил, зная, какая взрывная натура у моей женщины, и делая скидку на возраст. — Настоящая ты была совсем недавно в постели...

Она уставилась на меня непонятным взглядом. Смотрела, наверное, с минуту, потом покачала головой и спросила:

— Дим, ты откуда вообще на мою голову свалился? Ты меня слышишь хоть когда-нибудь, а? Ну вот капельку, а? — поддержала она свои слова, ногтем отмеряя на кончике пальчика пару миллиметров.

— Что не так, Сабина? — я не терял терпения, но и не обретал понимания.

— Все! Все не так! — закричала она.

Истерики Сабины — хорошо знакомая мне ситуация. Театрально закатывающиеся глаза, заломленные руки и полные стенания монологи не пугали, но оставаться спокойным удавалось с трудом. Но ведь и мои видели глазоньки, что рученьки брали.

— Записываю... — подтолкнул ее выплеснуть накопившее и, наконец, понять суть проблемы.

Жена закатила глаза, а потом уронила лицо в ладони и простонала:

— Это просто не может продолжаться... Я сойду с ума...

— Я буду носить тебе в дурдом зеленый чай и шпинат, — успокоил ее и уже требовательнее с нажимом добавил: — Хватит ломать комедию, ты можешь мне объяснить, что сейчас случилось?

— Ты реально не понимаешь? — подняла она на меня глаза.

— Нет, не понимаю, — я встал и подвинул второе кресло и сел напротив жены, всем своим видом выражая, что готов слушать и понимать.

Надвигавшаяся на город темнота сгушалась на нашем внутреннем дворике, отбирая пространство у света. Мне на короткий миг вдруг стало нечем дышать, будто кто-то невидимой рукой схватил за горло, но тут же разжал безжалостные пальцы. Предчувствие?

— Дим, ты совсем ничего не видишь, не понимаешь? — вкрадчиво спросила жена, смотря в глаза прямо и решительно. — Для тебя все вокруг идеальное? Жизнь идеальна, наши отношения идеальны, я идеальна?

— Если бы я искал идеальных отношений и жену, я бы купил резиновую куклу. Если бы искал идеальный мир, предпочел бы не родиться. Нет ничего идеального, Сабина. А с тем, что есть, надо жить.

— И с тем, кто есть?

— И с тем, кого выбрал. Ты больше не сама по себе, я тоже. Но сейчас я теряю эту уверенность, потому хочу понять, что случилось и что с этим делать.

— Я не идеальная... — прозвучал не то вопрос, не то обида, не то торжество. Жена помолчала, подумав, и согласилась: — Да, я не идеальная... я не хочу почти месяц сидеть взаперти на каком-то кораблике...

— Стоп... — я поднял ладони в упреждающем жесте. — «Кораблике»? — переспросил. Сабина непонимающе напряглась. — Ладно, кораблике... Так чего ты хочешь вместо кораблика?

Не дождавшись вразумительного ответа от жены, вернулся в дом и услышал из комнаты звук органайзера — программы на смартфоне. Электронный секретарь напоминал, что сегодня у нас с женой первая круглая дата — год назад мы познакомились в этот же день. Я вообще туго запоминал даты, приходилось записывать. Первое напоминание прозвучало месяц назад как раз перед авансом, и очень вовремя. Я сразу же зашел в ювелирный и купил эту цепочку на ногу. Девушка помогла подобрать подвески, из которых я пытался сложить свой посыл — хочу ребенка. До дрожи хочу взять на руки своего малыша или малышку. Крохотный комочек нашей с Сабиной любви, то, ради чего заключаются браки и живет человек.

Отключил электропомощника и хлопнул себя по лбу — вот почему расстроилась Сабина! Этот круиз было бы логичнее приурочить к годовщине нашей свадьбы, мы ведь так и договорились, когда не получилось поехать в свадебное путешествие, а я совсем забыл о другой дате! Она ждала поздравления с годовщиной нашего знакомства, а я...

Вот идиот! Даже купив подарок, я просто благополучно забыл о нем!

Впервые вопрос Димы звучал так... опасно и предупреждающе. Сабине стало неудобно, тон мужа отрезвил ее, как хлесткая пощечина. Она собиралась покончить с этим сахарным сиропом семейной жизни точным ударом ему в сердце — рассказать, что влюблена в другого мужчину и давно спит с ним, дольше, чем с мужем, но не смогла. Разговор получился как у слепого с глухим, и выражение «дышать темно, и воздуха не видно» заиграло для девушки новыми смыслами. Она уже распекала себя за едва не сорвавшееся с губ признание. Знала ведь: что бы она ни сказала и в каких бы грехах ни призналась, муж не подаст развод, не отпустит ее — у нее уже был случай это узнать наверняка. Нет, все будет гораздо хуже — он продолжит жить с ней и будет хорошим мужем, и без ответа Виктору ее признание не останется. А Виктор такой человек, что станет насмехаться над Димой, и наверняка проговорится, что

всегда смеялся над ним вместе с ней — Сабиной. И неизбежно муж от него узнает о связи с Грегом...

Сабина прикусила язык и вздрогнула, поняв, что чуть не натворила. И ответить на вопрос Димы она уже не знала как. Что она могла сказать? Что ждала в качестве сюрприза бриллианты на пару сотен тысяч рублей? Но вздернутая бровь и недобрый прищур, незнакомая интонация в голосе, когда муж переспросил «Кораблик?» — все это останавливало от этого признания. Почему-то все драгоценности мира вдруг показались жалкими стекляшками по сравнению с этим проклятым корабликом.

Девушка опустила голову и зажмурилась.

— Кораблик называется «Oasis of the Seas». Поинтересуйся на досуге, — сказал Дима, встал, а через несколько шагов закрыл за собой дверь террасы.

Впервые он закрыл за собой дверь. Никогда прежде ни один неприятный разговор он не завершал вот так — отрезав ей возможность оставить за собой последнее слово.

Сабина поежилась от несуществующего холода — даже глубокий вечер не принес прохлады в разжаренный за день город. В дом возвращаться не хотелось. Уже было понятно, что разговор не будет продолжен, но облегчения это не приносило. А вот злость в душе девушки набирала силу.

Да что это такое?! Сколько можно терпеть эту чертову семейную жизнь, шитую белыми нитками?! Она как низкопробная бесконечная трагикомедия, в которой даже не Сабина главная героиня, а это чертово отношение ее мужа к семье! Он носит с ним как с писаной торбой, и этим давит ее, давит, давит... Идеальный муж до последней ниточки его опрятной робы, черт его раздери!..

Сабина встала и вошла в дом, стараясь вести себя бесшумно. Это снова разозлило — что она такого сделала, чтобы сейчас так красться в ванную и испытывать чувство вины еще из-за того, что хочет смыть с тела запах секса?!

Но она все-таки налила ванную и в одиночестве провела в ней почти час, подливая горячую воду. Ее мысли то и дело возвращались к мужу — уснул или нет? Он ведь даже на диван в гостиную не уйдет или в гостевую комнату, где стоит просторная кровать, он будет спать на семейном ложе и не повернется спиной, а устроит ее в своих объятиях в уютном «стульчике», потому что «ничто дневное не должно отвращать супругов в постели друг от друга».

Сабина зарычала от бессилия и забила по воде кулаками, разбрызгивая воду на пол. Нет, она должна поехать в Москву в театральный тур, зацепиться там и во что бы то ни стало закончить эти медленно убивающие ее семейные отношения! И пусть потом Грег ищет себе новую приму, да пусть хоть эта Злата Королева ею станет — плевать!..

Мысль о Грегории остудила ее пыл. Что за забаву он придумал? Решил использовать какую-нибудь секс-игрушку? Как он сказал? «...Проштудируй что-нибудь... почитай... порно посмотри, с мужем отрепетируй, наконец, но я хочу ярких ощущений...» Черт... Нужно поддерживать связь с ним еще немного, пока театральные подмостки столицы не сменят под ее ножками провинциальную сцену. Придется что-то проштудировать, посмотреть и отрепетировать...

Сабина неожиданно для себя встала в чаше и спустила воду, будто воспоминание о Греге сделало ее болотной жижей, мерзкой, как и осадок в душе от разговора с Димой. Вытерлась насухо, поправила на голове креативный беспорядок и снова надела короткий халатик.

Дима лежал поверх одеяла на постели и смотрел какой-то фантастический боевик на кабельном канале. На подушке Сабины рядом с ним лежала длинная узкая коробочка, обитая сизым бархатом. Муж улыбнулся ей и провел по постели ладонью, приглашая устроиться рядом с ним. У девушки расширились зрачки, как у вкусившей дозу наркоманки, а кончики пальцев зудели скорее открыть футляр. Она забралась на постель и взяла его в руки, пальцы не слушались, и миниатюрный замочек никак не отодвигался.

— Дай помогу... — Дима забрал коробочку из рук жены и ловко открыл ее одним движением. Внутри оказался анклет[1] — тонкая цепочка с крохотными подвесками: два сердечка, амурчик с луком и колчаном, стрела, фигурка младенца и две буквы — С и Д. — Поздравляю с годовщиной нашего знакомства.

Сабина вздохнула и отвела глаза.

В этом весь Дима...

Утром Сабина проснулась как обычно — от поцелуя и запаха сваренного кофе. Дима, уже одетый, лежал рядом поверх невесомого одеяла и прокладывал дорожку из поцелуев от закрытых век жены к ее губам и груди. Она сладко потянулась и открыла глаза.

— Горячая, как печка... — улыбнулся Дима, запечатлев последний поцелуй на животе еще сонной девушки. — Я сегодня задержусь, не жди, ложись спать. Ужинать не буду.

Сабина кивнула и улыбнулась. Когда Дима вот так предупреждал, это значило только одно — он задержится у своей матери. Он частенько засиживался у нее допоздна, до глубокой ночи — да ради бога! Девушке было чем заняться и без мужа. Еще вчера Сабина мечтала пройтись по бутикам и купить новые наряды к возжеленным украшениям, но ради одного анклета делать это смешно. К тому же солнце жарило немилосердно уже с утра, как будто за окном не какой-то Мухонасизинск, а Майами. Но вот сходить в аптеку, куда она так и не заглянула, надо обязательно. Они с мужем накувыркались без контрацепции так, что пятерых детей уже можно было сделать.

Мысль об этом мгновенно испортила Сабине настроение. К тому же вчера из-за ожидания сюрприза она не пошла вечером к Виктору. Вскочив с постели, девушка быстро приняла душ и подошла выбрать наряд.

Гардеробная — тоже подарок Димы. Он согласился с Сабиной, что хранить вещи в одном месте гораздо удобнее, и это место совершенно точно не может быть даже самым вместительным шкафом. А вот шестнадцатиметровая комнатка — в самый раз. Девушка гордилась тем, как все тут было устроено: сенсорная панель у двери внутри делала использование гардеробной удобным и простым даже для ребенка — дверцы и ящички пронумерованы, как в картотеке, а соответствующая кнопка на панельке открывала любой одним прикосновением. Дима обещал еще со временем подключить голосовые команды, но пока у него до этого не дошли руки.

У Сабины мелькнула искренняя радостная мысль о том, что ее муж обладает золотыми руками и не относится к той категории сапожников, которые всю жизнь без сапог. Дима активно внедрял в их быт электронные системы, тем не менее не отдавая свое жилье во власть программы «умного дома».

Мужчина, если подумать, вообще был просто находкой для женщин. С шестнадцати лет он работал и сколачивал капитал. Однокомнатную квартиру, подаренную родителями на окончание института, продал, вложил в доленое со свободной планировкой и обустроил уютную трешку по собственному проекту. Когда лишился отца, его мать не захотела оставаться в старенькой четырехкомнатной квартире одна, и отдала ее сыну. Сначала Дима ее успешно сдавал, приумножая капитал, а позже, женившись на Сабине, продал и крупно вложил в строительство элитного коттеджа.

И дом, который он построил, но еще не до конца отделал, мог бы соперничать с виллами олигархов на островах в тихом океане. Достойная огранка для примы.

Сабина задрала свой хорошенький носик от этой мысли, открыла шкаф с платьями, под которыми ровно выстроились в ряд туфли к ним. Надела элегантное платье и босоножки на невысоком каблучке, переложив сотовый и кошелек в подходящую сумочку и вышла из гардеробной. Прошла по дому, проверяя, закрыта ли панорамная дверь на террасу, приснула перед собой в воздух духи и, пройдя сквозь облачко нежного аромата, вышла из дома, в кото-

рый раз подумав, что все-таки стоило научиться водить, как предлагал Дима. Сам он ездил за рулем с таким же удовольствием, какое получал от пеших прогулок.

В хорошем настроении девушка шла по улице их коттеджного поселка, растянувшегося между рекой и протокой и опоясавшего искусственный пруд с парковой зоной в центре элитного жилого массива. Аптека находилась близко, купив пачку противозачаточных пилюль взамен выброшенных и «скоропомощников», которые можно принимать после секса, Сабина решила доехать до любовника на маршрутном такси — час пик закончился, и «Газельки» ездили почти пустыми. Опустив на переносицу темные очки, передала водителю за проезд и присела на первое место у двери — ехать было всего три остановки. Снова идти мимо стройки, где на двенадцатом с половиной этаже работал Дима, она не рискнула.

Маршрутка довезла ее до места меньше чем за десять минут. Выйдя на остановке, Сабина перешла через дорогу, вошла в арку, прошла через длинный двор новостройки-колодца и нажала на кнопку домофона.

Ответный сигнал без вопроса «Кто там?» раздался только на четвертой настойчивой попытке девушки добиться ответа.

Он стоял в проеме открытой двери в одних боксерах, скрестив ноги, облокотившись локтем на косяк и заложив пятерню за голову. Ладонью свободной руки протирал сонные глаза и обметанные дыханием губы.

— А, это ты... — бросил равнодушно и отвернулся, возвращаясь в квартиру и оставляя дверь распахнутой для нее. — Ну проходи. Кофе сваргань, — распорядился мимоходом, закрывая за собой дверь туалета.

Сабина замкнула входную, разулась и прошла в небольшой зал.

Двухкомнатная квартира в новом жилом массиве «Вишневые сады» была малогабаритной — спальня Виктора меньше гардеробной в доме Сабины, зал — чуть больше. В кухнюшку не вошло бы их с Димой джакузи. Более-менее просторными были квадратная прихожая и застекленная от пола до верха лоджия — она, пожалуй, даже больше кухни и при желании могла бы служить еще одной комнатухой. На ней стояло старое кресло, закинутое застиранным покрывалом, и рядом вазон с засохшей землей и такими же сухими останками какого-то декоративного деревца, засыпанного сигаретными окурками и пеплом. Все это девушка разглядела еще в первый свой визит к любовнику, когда он собрал всю трупку на новоселье и первый раз трахнул ее на старом скрипучем диване пьяный и дико возбужденный. Теперь этого дивана уже не было, мебель в квартире блистала приглушенной слоем пыли новизной, но, как водится у холостяков, не отличалась изысканностью и разнообразием — ее было ровно столько, чтобы хватало хозяину.

Сабина ступала по полу, чувствуя голыми ступнями какие-то крошки, пыль, замечая разбросанные вещи.

— Не нравится? — услышала сзади хриплый голос Виктора и тут же почувствовала его несвежее дыхание, когда он заключил в объятия, прижавшись пахом к ее попе, и пошагал ее к распахнутой двери спальни.

— Хоть бы подмел, — укорила девушка, подставляя шею поцелуям и чувствуя, как потеплело между ног от возбуждения. Направление и намерения мужчины были ясными, как яркоелившееся в не зашторенные окна лучи солнца.

— Шас трахну, и подмети... — прохрипел глухо Виктор и отпустил ее около кровати, тут же потянув через голову платье. — Моя дырочка... — просипел и откашлялся. Сабина осталась лишь в кружевном белом белье, но ненадолго. Мужчина по-хозяйски расстегнул бюстгальтер и откинул его на подушку. Легонько подтолкнул девушку на постель, и когда она села, тут же уронил на спину поперек кровати и стянул с нее трусики. — Я тебе задолжал, крошка... — накрыл ее губы похотливым поцелуем, призванным раззадорить его, а не ее.

Стянул одной рукой с себя трусы и подмял Сабину под себя, разведя ее ноги шире. Его член еще недостаточно окреп, сжав в руке его основание вместе с яйцами, водил по ее промежности, и грубо сосал грудь, болезненно втягивая ореолу вместе с маленьким соском.

Сабина вцепилась в его волосы, прижимая его рот к груди плотнее, и, запрокинув голову, стонала в предвкушении секса с любимым. Его грубость ее будоражила. Она хотела чувствовать над собой власть этого самца, а королевой быть на сцене. С Димой же она была королевой везде, и это не давало чувствовать себя звездой на подмостках — как-то приедалось это приторное ощущение всепоглощающей любви к ней. А Виктор дарил контраст. Этот разительный перепад между «быть шлюхой в его постели» и «блистать на сцене, вытраханной до слабости в ногах» дарил пикантный привкус самоощущению.

— Мокрая, — удовлетворенно хмыкнул мужчина и навис над ней на вытянутых руках, бедрами толкая член, скользивший по ее складкам, дразня и смотря ей в глаза с каким-то чувством превосходства.

Собрав головкой ее влагу, опустил ее ягодицами на свои пятки, подтянул к себе девушку поближе и согнул ее ноги, прижав разведенные колени по бокам от тела. В следующую секунду наполнил ее лоно одним движением. Виктор прижимал ее бедра и трахал неторопливо, распалаясь постепенно, то вытаскивал член и возил им по складкам, то снова втыкал его в тугую теплую глубину. По мере того, как его желание нарастало, он двигался быстрее и резче, приподнялся, полностью перенес свой вес на ее задранные вверх бедра, приподнимая тем самым ее попу выше, и вбивался внутрь сверху вниз с силой отбойного молотка и размеренной скоростью. Сложенная вдвое, Сабина стонала, скованная его руками так, что не могла даже поддавать ему навстречу бедрами. Да Виктору это и не требовалось. Он, приоткрыв рот и вспотев, блуждал бессмысленным похотливым взглядом по ее груди, губам, животу и промежности, стонал и порывивал, когда его охватывала очередная волна предоргазма, и двигался, уже не контролируя свои рывки — глубоко, четко, как машина. Сабина почувствовала, как напрягся сильнее его член, взгляд словно остановился и запотел, губы напряглись, выпуская бесконечные стоны, лоб и грудь покрылись испариной, а по телу покатилась судорога — предвестник мощного оргазма.

Девушка играла кончиками пальцев на клиторе, догоняя любовника, и кончила, когда он обрушился на нее всем крепким телом, прижавшись лбом к постели над ее плечом, и делал последние движения, вжимаясь глубоко и задерживаясь, пока пульсирующие толчки выплескивали в нее его сперму.

Виктор отвалился от нее, как насосавшийся крови клещ. Дышал глубоко и прерывисто, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба.

— Сабин... — прохрипел, глядя в потолок.

— А? — отозвалась девушка, повернув голову к мужчине.

— У тебя классная дырка...

Спустя час он снова трахнул ее, на этот раз — поставил на колени и завернул руки за спину, как арестантке, брал ее яростно и хлестко, тиская большой ладонью грудь, сжимая и оттягивая сосок. Накануне он крепко выпил в компании приятелей за игрой в бильярд, и Сабина пришла к нему очень кстати: выбить перед репетицией хмель сексом — лучший вариант. Похмелье выходило с потом и спермой, он смывал их следы в душе, а девушка глотала таблетки «скорой помощи».

Последним актом их встречи стал глубокий минет. Посчитав, что достаточно пришел в себя и вернул долг с лихвой, мужчина потребовал яичницу — в холодильнике не нашлось ничего, кроме яиц, куска сала и двух помидор — жадно съел все, хлебным мякишем вычистив сковородку, глотнул уже пятую кружку растворимого кофе и поторопил Сабину — пока было отправляться на репетицию.

[1] Анklet – браслет на ногу.

Виктюковицина — постановка с кучей обнаженки.

Мизансцена. Глава 5. Арьерсцена

*«Красивые женщины всегда уходят из театра до того,
как опускается занавес» (Оноре де Бальзак)*

Развод с Ильей дался мне нелегко, но и жить во лжи я больше не могла. Каждый вечер ложиться в постель с нелюбимым мужчиной, за которого выскочила замуж от отчаяния — нет ничего хуже. Тело оставалось к нему глухо и сухо. Поначалу, когда мы были моложе, оно отзывалось на ласку — работала физиология и активные гормоны, но после той ночи с Димой три года назад помогали только лубриканты. Илья не мог этого не заметить, начались проблемы. Не чувствовавший себя желанным мужчина ревновал и не верил, что я ему верна, а убедившись в этом каким-то только ему ведомым образом, однажды пришел с работы рано, сел напротив, долго смотрел и спросил: «Ты любишь меня?» Мое молчание было красноречивее всяких слов. Детей мы не родили, и развод состоялся уже через месяц. Московская квартира принадлежала Илье, потому я собрала вещи, позвонила сестре и попросилась пожить у них с Кириллом, пока устроюсь решу что-нибудь жильем.

Илья — хороший человек и нормальный мужчина, несмотря на развод, мы расстались почти друзьями. Он обещал помочь на первых порах, хотя надеялся, что в разлуке и вдали от него мое сердце вспомнит, что любило его. Только я знала точно — не вспомнит, потому что не любило. Уже в ожидании отправления поезда, когда мы стояли на платформе, он крепко прижал меня к себе и поцеловал так нежно и проникновенно, что на глаза навернулись слезы — от стыда за то, что много лет обманывала его, что он мог встретить ту, что любила бы его и родила детей. А он понял слезы по-своему. «Вот увидишь — ты любишь меня, просто тебе нужно побыть одной».

С тяжелым сердцем я стояла в вагоне, прижавшись лбом к стеклу и до онемения пальцев сжимая поручень, когда он шел за медленно катившимся поездом с вымученной улыбкой и блестящими от слез глазами. Уверена, что он, оставшись один, дал им волю, как и я в выкупленном двухместном купе.

Я была ему благодарна, что те двое суток, пока ехала в родной город, он не писал мне сообщения и не звонил. Не уверена, что смогла бы я тогда оставаться решительной до конца. Перед внутренним взором стояли его мокрые покрасневшие глаза, бледное лицо и вымученная улыбка, призванная облегчить мою совесть.

Родной Недвижинск встретил меня ярким солнечным утром. Поезд еще не остановился, когда я увидела Кирилла, он быстрым шагом догонял проехавший мимо него мой вагон — картина та же, но краски и ощущения совершенно иные. Я выкатила небольшой чемодан и поставила на него новую швейную multifunctional немецкую машинку — подарок мужа «на развод».

Мы посчитали смешным делить пополам вещи, а перевезти производственные машинки из моей мастерской мне пока некуда. Илья обещал заняться разменом квартиры и положить мою долю на мой счет. На машину — новенькую «Ауди» я не претендовала совсем, но теперь уже бывший муж сбросил мне на банковскую карту половину ее стоимости. Как всегда педантичный в делах и обещаниях мужчина даже отчитался о проведенной оценке движимого и недвижимого имущества. Так что корыто мое не оказалось пустым, хотя и разбитым, и я вполне могла начать новую жизнь где угодно, преисполненная благодарностью замечательному человеку.

На его фоне я чувствовала себя неблагодарной сукой. Но утешала себя тем, что теперь все в его и моей жизни будет по-честному и по взаимной любви.

Вагон остановился, проводница опустила площадку и вытерла поручни, и пассажиры потянулись на выход. Я ехала в седьмом купе и выходила почти последняя. Кирилл уже вошел

в вагон и двигался мне навстречу с теплой улыбкой. Мой одноклассник, муж сестры и друг любимого мужчины, который...

— Ну что нос висит ниже юбки?! — воскликнул Кир и, проигнорировав мой багаж, сразу заключил меня в крепкие объятия и трижды поцеловал в щеки. — Как я рад тебя видеть, Катюха-а-а! Три года носа не совала, а приехала и тут же его повесила! — он чуть отодвинулся и смотрел в мои глаза таким лучистым взглядом с такой искренностью, что я невольно заулыбалась. — Вот так лучше! — приободрил он и снова поцеловал меня в щеку.

— Я тоже соскучилась, — призналась проникновенно и высвободилась из объятий.

Со стороны наверняка можно было подумать, что встретились двое любящих друг друга людей после вынужденной разлуки. И мы правда любили с Киром друг друга, но как брат и сестра. Нине очень повезло с мужем. Она старше нас с ним на два года, но когда шестнадцатилетний мальчишкой он стал ухаживать за ней — не оттолкнула, а, наоборот, шутила, что теперь у нее «есть свой парень» в нашем «логове» — так она называла наше трио: меня, Кирилла и Диму.

Мы жили в одном двухэтажном бараке с удобствами на улице, пока его не расселили и нашим семьям не дали квартиры, к нашему безразмерному счастью, в новом доме на одном этаже. Правда, Дима в другом от лифта крыле, но это не дальше, чем расстояние в старом деревянном бараке. Частенько мы собирались у кого-нибудь дома, а, став постарше, и в подъезде между этажами, сидели на широком подоконнике и весело проводили время. У меня была и подруга — Ольга, но с ней я встречалась гораздо реже, когда ребята уходили в свою спортивную секцию. Дима был моей первой любовью, я ловила каждую минутку, когда он рядом, и компания Оли меня не привлекала так, как компания одноклассника — крепкого парня с озорной улыбкой, на которого заглядывались многие девочки не только из нашего, но и из параллельного класса.

Одну такую он однажды привел в нашу компанию. Это было в девятом классе...

— Ка-ать! — наверное, уже не первый раз окликнул меня Кирилл. — Садись вперед, говорю, успеешь ворон пересчитать! — смеялся он. Я открыла переднюю дверцу его бюджетного джипа, села и пристегнула ремень. Через минуту, устроив мой чемодан и кофр с машинкой в багажнике, мужчина сел за руль. — Нина там наготовила всего, если бы не клещи, можно было бы на дачу рвануть... — Кир и вырулил с привокзальной площади на центральную улицу. — Ты что-то совсем без багажа... — прозвучало полувопросом.

— Ты же знаешь меня, — улыбнулась, — привязанности к тряпкам не питаю потому все обратила в звонкую монету. Да и Илья капитализировал и разделил совместное имущество.

— Ничего, Кать, с твоим послужным списком ты работу здесь быстро найдешь, правда, зарплата после Москвы, конечно, будет не фонтан...

— Я уже договорилась на вечер о собеседовании. Но если не получится — мои московские подвязки никуда не денутся, работать могу удаленно, — я отвернулась к окну.

Город не удивил ничем новым, разве что хорошо разросся Южный район — колодцы новостроек плотно подбирались к элитному коттеджному микрорайону «Голубая лагуна».

— Он там дом отгрохал, — Кир чуть дернул головой в ту сторону, куда я смотрела, зная, что понимаю, о ком он говорит. — Шикарный, навороченные электронные системы, бассейн, джакузи, французские окна...

Мы редко говорили о Диме, потому что и сестра, и ее супруг знали, что мое сердце все еще болело им. Одноклассник существовал в моей жизни тенью, даже не давая о себе знать. И то, что он воплотил свою однажды с жаром озвученную юношескую мечту, значило только одно — он все-таки женился.

— Давно? — вырвался сам собой вопрос.

— Полгода.

— Можно было и сказать, — упрекнула родственника и тяжело вздохнула — насколько моя любовь стала в тягость родственникам, что мне не сообщили даже такую малость. — Сделали тайну мадридского двора, — фыркнула.

— Мы же не ждали, что ты разведешься. И вы все равно не общаетесь, — пожал плечами мужчина.

— А вы?

— Катя... — укоризненно посмотрел на меня Кир. — Там все запущено. Ты знаешь Димку — это навсегда. Так что не питай иллюзий и не строй планов.

— Откровенно, — усмехнулась.

Но они были в чем-то правы. Моя одержимость Димкой вымотала и меня. Я бы и рада забыть и жить дальше, но любовь к видному парню стала отравой, влившейся в кровь еще в школе и набравшей силу за много лет. Я не могла не думать о нем, я видела его во сне, и самыми любимыми были эротические, где он целовал меня, а я снова теряла голову... хотя куда уже больше...

— Тебе надо что-нибудь в магазине? — чуть притормозил у торгового-развлекательного комплекса. — Нина попросила пару комплектов постельного белья купить для тебя, сможешь выбрать, что тебе нравится?

Я покачала головой:

— Я бы обошлась и старым. И вообще, заведовать тряпками — моя прерогатива.

Конечно, я вышла из машины — нужно было купить подарки племяшке. Я приезжала в гости, когда она родилась, и с тех пор больше ее, кроме как на фото и видео, не видела, так что помощь ее папы очень кстати.

Бутик «Девчонки и мальчишки» удачно устроился напротив салона домашнего текстиля, так что покупки не заняли много времени. Уже спустя пятнадцать минут Кирилл припарковался во дворе нашего дома, и снова полезли воспоминания о вечерах, которые мы проводили втроем. Задрала голову посмотреть на окно той самой площадки между этажами и краем зрения заметила, как покачал головой мой спутник.

— Сынок, чай будешь? — услышал голос мамы из кухни.

После ужина с ней я сразу ушел в свою холостяцкую комнату.

— Буду, мам! С лимоном холодный! — крикнул через коридор в открытые двери. Когда она принесла высокий бокал с зеленым чаем со льдом, чмокнул ее в щеку: — Ты у меня самая лучшая.

Она присела в рабочее кресло за компьютерным столом и смотрела, как я устанавливаю на подмакетник основу для будущего здания.

Два года как я получил второе высшее образование — архитектора. Только мама знала, что я учился на заочном, и, кроме нее, лишь Кирилл и Катя в курсе моей мальчишеской мечты строить красивые, современные, высокотехнологичные города. Экологичные материалы, зеленая энергия, надежные электронные системы, полная автономность и надежность каждого дома.

Всю жизнь это было просто хобби. Мне редко когда нравилась планировка домов, которые я строил. Возводя стены нового жилого здания, я мысленно иначе планировал внутреннее пространство и в мельчайших подробностях видел интерьеры будущих квартир.

Макет делового квартала — моя дипломная работа, но уже значительно разросшаяся — теперь проект занимал почти все пространство комнаты, из которой пришлось вынести мебель. Остался только рабочий стол с компьютером и 3D-принтером. Стены украшали геологическая карта Недвижинска, таблица масштабов, чертежи зданий и сооружений, план микрорайона, наброски дизайна внутренних помещений и...

— Ты уже оформил документы на патент?

...образцы разработанных мной экологических строительных материалов и шаблон технологии возведения зданий из них.

— Уже отправил, — ответил, не отвлекаясь от работы — подводил освещение под новый объект, копошась под подмакетником. — Теперь только ждать. — Мы немного помолчали, и я уже в который раз спросил: — Ты не передумала?

— Нет, сына, не хочу вас стеснять.

— Ма, только не начинай! Там на три семьи места хватит! В конце концов, и твоя доля там есть!

— Что планируешь дальше? — перевела она тему.

— Сдадим объект и, пока Сабина будет на гастролях, отделаю первый этаж во второй половине. Поможешь обставить на твой вкус? — вернулся к уговорам.

Но мама покачала головой:

— Катюша приехала, ее попроси. Она же на дизайнера училась, и в передаче «Квартирный вопрос» я видела ее — красиво умеет обставить. Давно, правда, это было.

У меня словно от сердца горячим потоком кровь отхлынула, когда услышал имя одноклассницы и уже не новость о ее возвращении. Нам с Катей город стал тесен еще классе в девятом. Мне очень нравилась темноволосая девчонка с яркими глазами, не сводившая с меня влюбленного взгляда. Но я боялся ее, казалось, ответ на Катины чувства — земля уйдет из-под ног, мир рухнет, мечты рассыплются о семейный быт, который мы бы однозначно сообразили на двоих. Потому что тело обдавало жаром от ее присутствия, мысли уносились прочь, и думать я мог только о ее губах и маленькой тогда груди, соблазнительно выпиравшей под школьным платьем или футболкой. Меня колбасило от ее голоса и смеха, похожего на звон бубенцов, и теплоты ее шелковой кожи...

И то, как сейчас тело среагировало на ее имя, мне совсем не понравилось. Много лет прошло. Я женат и люблю свою капризную Сабину вопреки всем ее выходкам и неприятию ее матерью и друзьями. Они ничего не значат, мы семья, мы любим друг друга — это главное...

Осекся на том, что убеждал себя в этом, и разозлился. Но ничего не мог с собой поделаться и еще несколько часов, работая над макетом, прокручивал в памяти нашу последнюю встречу...

Три года назад

В этот день у Кирилла все сыпалось из рук, он хватался за все сразу и тут же бросал. Друг то наливал кофе и не пил его, то выливал, мыл кружку и в сотый раз предлагал мне чай, лимонад, молоко — все, на что падал его взгляд. Он так волновался, что даже дышал неровно, задыхался и потел, то ли от того, что наворачивал по квартире километры, снова и снова проверяя, готова ли комната к приезду жены и все ли есть в холодильнике, что можно и нужно кормящей женщине, то ли от страха взять в руки новорожденного ребенка — девочка родилась шестимесячной и была совсем крошечной. Куклу-пупса, которую я привез ей в подарок сегодня, наверняка гораздо больше малышки.

Я наблюдал за ним с улыбкой и чувствовал сопричастность к этому событию — многолетняя дружба с Кириллом и хорошие отношения с его женой были тому причиной. Сам ощущал в груди нечто невыразимое и непонятное, но распиравшее и приятно теплое.

Наконец, друг не выдержал:

— Лучше там подождем, не могу больше. Поехали!

Он подхватил большой пакет с вещами для жены и конверт на выписку, схватил с тумбы в коридоре барсетку и ключи от машины. Я их тут же отобрал:

— Ну нет, поедем на моей машине! Ты неменяемый, — хохотнул и хлопнул друга по плечу.

— Да-да, давай, погнали! По пути за цветами, тортом и в ювелирку — как раз и время уьем.

— А в ювелирку-то зачем?

— Забыл купить подарок Нине за дочь.

Я покачал головой, но делать было нечего, этого неугомонного парня на одном месте не удержишь.

Лифт ехал медленно, Кир посматривал на часы в нетерпении. Едва мы вышли из подъезда, позвонил его сотовый.

— Да! Тебя где черти носят?! — чуть не заорал, но тут же осекся: — Прости, Кать, я просто не в себе. Ты где?.. Не проблема, конечно, за остановкой подхватим... — договаривался, садясь на заднее сиденье моего «Лексуса». На изумленный взгляд махнул рукой и захлопнул за собой дверцу. — Катьку на «Блокадной» заберем.

Я кивнул и тронул машину с места. Некстати полил дождь, да сразу такой сильный, лупил по лобовому стеклу, крыше и капоту, будто град. Сверкнула жирная молния, и следом с таким грохотом раскололись и потемнели небеса, что я вжал педаль газа в пол, представляя, как мгновенно до нитки вымокла Катя.

Но, оказалось, я успел — выскочил из зоны осадков и подхватил одноклассницу в машину за считанные минуты до того, как в транспортном потоке нас настигла небесная стихия.

— Богато жить не будешь, — пошутил, стараясь не смотреть на голые коленки девушки, сидевшей вполоборота ко мне в соседнем кресле.

— Мне хватает, — улыбнулась красивая брюнетка.

— Кажется, раньше волосы были цветом, как шоколад? — спросил, найдя, наконец, легальный повод повернуться и рассмотреть спутницу.

— Я изменила имидж, когда уехала отсюда, — просто ответила и откинула тяжелую волну за плечо.

Мы все трое знали, что кроется за простой фразой. Кирилл притих сзади, стараясь не отвечивать, строчил смски жене. Катя сама дала мне разрешение рассмотреть ее внимательно. И я, остановившись у цветочного павильона, повернулся к ней, дополнив отзеркаленную позу, подперев голову ладонью, и медленно прополз взглядом от макушки по повзрослевшему лицу, отмечая первые мелкие мимические морщинки, чуть поникшие уголки чувственных губ... По ним я елозил взглядом, наверное, долго, потому что Катя вдруг закусила нижнюю, а потом и вовсе провела по рту тыльной стороной ладони, будто стирая свои ощущения, а заодно и мое настырное внимание. Я послушно отцепился от ее губ, вскинул взгляд к ее глазам и чуть не ослеп от того, как они, и без того удивительно яркие, полыхали внутренним светом и жаром. Сглотнул и ясно вспомнил темный подъезд, Катю в моих руках, прижатую к стене, ее чуть запрокинутую голову и вот такой же взгляд.

Наш первый поцелуй тогда длился, кажется, целый час. Она сама прошептала «Поцелуй меня» так, что впервые потяжелело в штанах. Я терся пахом между ее ног, тискал небольшую упругую грудь под тонкой футболкой и учился целоваться вместе с ней. Она разрешала трогать себя, узнавать девичье тело, и я нагло пользовался этим, трогая мягкие завитки на лобке и нежность ниже. Кажется, она бы не остановила, если бы я тогда осмелился лишить нас обоих девственности.

Но я не осмелился. И позже был рад, когда гулко в тишине раздался щелчок открывшейся двери ее квартиры, и отлетел от нее на добрых метра три к противоположной стене, оглушенный новыми ощущениями.

И всю жизнь потом боролся с противоречивыми мыслями, что нужно было довести начатое до конца... и что поступил верно, не повторив сомнительный подвиг Ромео и Джульетты.

— Теперь в ювелирный, — заговорил голосом Кирилла огромный букет розовых роз, влезший на заднее сиденье. Когда куст чуть сдвинулся, мы увидели физиономию друга. Он перевел взгляд с меня на Катю и схватился за ручку только что закрывшейся дверцы: — Я не помешал?

Я молча завел машину и отъехал от обочины. Магазин «Кристалл» был через два квартала, и в него мы пошли все вместе: Катя, чтобы помочь Киру выбрать подарок, а я хотел смотреть на нее подольше.

Длинная шея, ровная спина с изгибом ниже поясницы, скрытым кофтой — но я знал, что он там есть, помнил с девятого класса. Покатые бедра под тонкой талией, длинные стройные ноги с милыми ямочками сзади под коленями... Походка немного скованная от моего прилипчивого взгляда... Я шел за ней и смотрел на ее аппетитную попу. Или стоял очень близко за спиной, заглядывая через ее плечо, что они там выбирают, и видел мурашки на ее шее, убегавшие в вырез кофты. Ладони кололо от потребности сжать ее налившуюся грудь и прижаться к ней всем телом.

Но я отошел и уставился на витрину с цепочками и подвесками. Тончайшее крученое, как шнур, плетение и подвеска в виде тройной розетки с маленьким рубином-кнопкой мне очень понравились.

— Покажите, будьте любезны.

Консультант положил передо мной украшение. Оказалось, что вторая сторона цепочки имеет «шнур» с маленькой вилкой.

— Верхняя — рубин горит постоянно. Средняя — мигает. Нижняя — не горит. Чтобы подзарядить, нужно чтобы кулон лежал днем на свету. Чем интенсивнее он, тем быстрее заряжается. Хотя если не прятать под одежду, он и на теле будет добирать заряд, — удивил парень в белой рубашке.

— Изумительно! — искренне восхитился я. — Беру.

Это было первое украшение, которое я купил женщине. Катя вообще была моей первой во всем. От нее первой у меня сорвало крышу, с ней первой был поцелуй, ее первую я облапал, ее первую захотел как женщину, она была первой, кто изменил мужу со мной.

Это случилось в тот же поздний вечер. Мы с ней задержались у Кирилла с Ниной дольше бабушек и дедушек новорожденной, неплохо посидели за столом вчетвером и выпили, кроме общей дозы шампанского, бутылку дорогого коньяка. Я вызвался отвезти на такси Катю в квартиру, которую она сняла на трое суток, и по безмолвному, но очень ясному приглашению остался у нее.

А под утро ушёл по-английски, не прощаясь. Долго сидел рядом на кровати, смотрел на разметававшиеся темные волосы, аппетитную грудь, приоткрытые губы, которые с упоением целовал всю ночь, на обнаженное тело, которое ласкал и пробовал на вкус. И чувствовал себя сволочью, потому что позволил Кате изменить мужу, не отказал себе в близости с ней, оправдываясь тем, чем не оправдаешься — что мы оба перебрали с алкоголем и выпустили наружу чувства, первый раз шагнули навстречу друг другу. И последний...

— А потом что, сынок? — вернула меня к разговору мать. — На стройку вернешься?

— Потом кругосветное путешествие... — я вынырнул из-под подмакетника и сел перед матерью на корточках. — Может, поедешь с нами? Ну мам, не была нигде ведь. В санаторий всегда успеется.

— Ой, нет, Дим, я лучше в санаторий. Боюсь я этих кораблей, качки, я по-стариковски в лесу погуляю, свежим воздухом подышу, и врачи рядом.

Я вздохнул. Хотелось показать матери белый свет, другие страны, океан, Америку, но каждый человек сам знает, что ему лучше, поэтому я отступил.

Мама ушла в свою комнату, оставив меня заниматься любимым хобби. Но светодиодная лампочка не желала гореть, проводок постоянно выпадал, словно что-то ускользало из рук безвозвратно. А в душе все так же плескался кипяток, сбивая сосредоточенность и окуная в моменты прошлого.

Глава 6. Призраки оперы

«Не устраивай глупых сцен.

Я люблю театр, но сейчас мне не до него»

(Эрих М. Ремарк)

— Скусна[1] запускаем на третьей минуте второго акта, — синхронизировал Виктор работу дым-машины. — Монты[2] уже заканчивают, мальчики[3] тоже. Все по костюмам! Пол-часа до начала репетиции!

Все разошлись, лишь Сабина задержалась рядом с Виктором, потому что к нему зачем-то подошла Злата. Эти двое о чем-то улыбались, и Королева как бы невзначай крутила гладила кончиком пальца крупную клепку на джинсовой рубашке главного режиссера. В груди примы пылало от возмущения и ревности, она уже думала отвлечь мужчину от наглой девицы каким-нибудь глупым вопросом, но ее позвал Григорий:

— Зайди ко мне в кабинет на минуту, — сделал жест пальцем и отвернулся, чтобы уйти.

— Одну минуту! — крикнула ему в спину и вернула взгляд к сладкой парочке. Злата уже отстала от рубашки и направилась в костюмерку, и упустить случай высказать Виктору свое «фи» Сабина непустила: — Ну и что это было? — смотрела на мужчину с вызовом и даже слегка свысока.

— Ты о чем? — искренне удивился режиссер, тоже уже собираясь покинуть зал, где из-за рабочих стало шумно.

— Вот это вот... — язвительно прошипела Сабина и с силой передразнила легкие прикосновения Златы к застежке его рубашки.

Виктор перехватил ее руку за тонкое запястье и заставил поднять взгляд. В его глазах не было ничего хорошего, доброго, светлого. Лицо застыло маской с напряженными желваками и сомкнутыми недовольно губами. Казалось, даже его собственная татуировка будто обхватившего предплечье и уютно устроившего на плече рогатую голову дракона, спряталась под воротник от хмурого недовольства ее обладателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.